

Ю. Ломан. Воспоминания крестника императрицы

Вместо Предисловия

Несколько лет тому назад я написал свои воспоминания о Сергее Есенине для сборника, вышедшего в связи с 70-летием со дня рождения поэта. Воспоминания я написал предельно коротко, уж очень трудно было сразу вспомнить то, что казалось навсегда похороненным и даже чем-то нереальным.

Юрий Ломан у стен Русского городка

Но память... Удивительное у нее все-таки свойство воскрешать давнее с такой отчетливостью, как будто это случилось только вчера. Замелькали образы прошлого.. Отец и его гости — художники, архитекторы, музыканты, артисты, поэты, деятели Общества возрождения художественной Руси, население Федоровского городка и правители тогдашней России.

Все эти образы обступили меня, сменяя друг друга, неся память о потонувшем мире и первых днях молодой республики. Не полагаясь на воспоминания детства, я зачастил к своей тетке Евгении Александровне Петерсон. В годы первой мировой войны она проработала в лазаретах Федоровского городка с первого и до последнего дня их существования.

Старушка обладала редкой памятью, беседовать с ней было истинным удовольствием. Старый заслуженный педагог, награжденный орденом Ленина, она была человеком в полном смысле этого слова советским. На прошлое тетя Женя смотрела объективно, трезво, без излишних эмоций, делая надлежащие выводы для настоящего и будущего. В долгих разговорах с нею

многое вспомнилось, многое прояснилось. Чем больше приходило на память прошлое, тем сильнее я сожалел о том, что поддавшись соблазну, опубликовал воспоминания о службе Есенина в Царском Селе. С моей стороны это не попытка оригинальничать, просто я считаю, что еще не пришло время опубликовывать работы о сложном и противоречивом царскосельском периоде жизни Есенина

Мои предки

Предки Ломанов были выходцами из Швеции. Мой прадед - Логин Иванович Ломан (7 мая 1791 г. — 26 января 1841 г.) — преподаватель Патриотического института.

Дед — Николай Логинович Ломан (4 февраля 1830 г. — 5 декабря 1892 г.) — преподаватель русского языка и словесности Второго Кадетского корпуса, учитель 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии и Елизаветинского училища, председатель Петербургского тюремного комитета, поэт-искровец, печатавшийся под псевдонимом «Злоречивый Гнут».

П. А. Степанов, брат одного из издателей «Искры» известного карикатуриста Н. Степанова, однажды за ужином среди гостей позволил себе литературный каламбур: «Судьбой ты мало избалован. Порою Гнут, порою Ломан». Позже, когда дедушка фактически ушел из-за своего пристрастия к выпивкам и из литературы, и с педагогической деятельности, его друзья составили другой каламбур:

«Весьма не знаменит

Судьбой не избалован

Он был и Гнут и Ломан

И, верно, будет бит».

Из-за частых выпивок дед фактически многие годы не жил в семье, бабушка с пятерыми детьми перебивалась переводами с французского, скрывая свое бедственное положение.

Вследствие этого мой отец — Дмитрий Николаевич Ломан был зачислен в Павловское, военное училище с 6 лет. Во время отпусков находился в семье царского коменданта генерала Петра Степановича- Степанова, богатого помещика. По окончании Павловского училища служит в 145 пехотном Новочеркасском полку, а с 1892 г. — в лейб-гвардии Павловском полку, подпоручик. В 1894 г. исполняет обязанности хозяина офицерского собрания лейб-гвардии Павловского полка. В 1901 г. — штаб-капитан, в 1913 г. — полковник.

Кроме основной службы Дмитрий Николаевич в 1903 г. — казначей, в 1894 г. — председатель правления Санкт-Петербургского общества грамотности, председатель комитета Народного чтения, в 1910 г. — член комитета по построению церкви для собственного Е. И. В. сводного пехотного полка. В 1915 г. — ктитор Государева собора.

В книге «Весь Петербург» на 1917 г. написано: «Ломан Дмитрий Николаевич, полковник гвардии. Ктитор Федоровского Государева собора. Штаб-офицер при дворцовом коменданте. Уполномоченный ЕИВ Императрицы Александры Федоровны по Царскосельскому Военно-санитарному поезду № 143 ЕВ, начальник Царскосельского лазарета № 17 их императорских величеств великих княжон Марии и Анастасии».

Многие из сверстников моего отца были свитскими генералами или флигель-адъютантами, т. е. имели придворные чины, а у отца их не было. Говорили, что он был вспыльчив, устраивал разносы, не стеснялся осуждать начальников. Особенно от него доставалось непосредственному начальнику — дворцовому коменданту генералу Воейкову, который об этом знал. Отец старался по всем вопросам обращаться к высочайшим особам помимо Воейкова, на что тот ему неоднократно указывал.

Солдаты отца очень любили и он, в свою очередь, постоянно о них заботился. По его инициативе в Сводном полку была открыта солдатская лавка, солдатская читальня, на дверях своей квартиры он вывесил ящик, куда солдаты могли опускать письма с жалобами и просьбами.

При всяком удобном и неудобном случае отец старался добиться наград для своих подчиненных. Это даже послужило поводом для доноса на него. Граф Ростовцев во всеподданнейшем докладе на имя царя доносил, что полковник Ломан нарушает царские указания, представляя своих подчиненных без всяких на то оснований к царским наградам. Офицеры в своем большинстве не любили моего отца, главным образом за его «заигрывание» с солдатами.

Помню чувство какой-то неловкости за горячо любимого отца, когда он в сопровождении Есенина появился во дворе Федоровского городка в синей косоворотке, поддевке и картузе. Эту одежду ему прислал московский купец Стулов.

Таким же ненастоящим мне казалось подавание руки извозчикам, женам сверхсрочных солдат, в общем простонародью, как тогда говорили. Я никогда не страдал высокомерием, но глядя, как отец здоровается за руку с прислугой, мне казалось, что он играет в какую-то игру, недостойную взрослого человека.

Городок XVII века под Петроградом

Используя религиозно-мистический настрой Николая II и; особенно, его жены Александры Федоровны, мой отец и князь А. А. Ширинский-Шихматов — активные члены одного из научных обществ по изучению истории, археологии, филологии и этнографии стран Ближнего Востока, т. е. «православного Палестинского общества», — выдвинули идею создания в непосредственной близости от дворца храма в стиле XVII века.

Поводом было отсутствие в Царском Селе полкового храма у сравнительно недавно сформированных для охраны царской резиденции сводно-пехотного полка, императорского конвоя и железнодорожного полка.

«Высочайшее» согласие на строительство было легко получено. Для храма был выделен земельный участок на холме на берегу глубокого проточного пруда, в непосредственной близости от казарм этих трех полков и Александровского дворца. Труднее было достать деньги на постройку.. Но отец, используя стремление сахарных, махорочных и даже горчичных королей получить орден в петлицу или стать «поставщиком двора его величества», доставал у них деньги, сперва на строительство храма, затем Городка, а во время войны в довершение к. этому и на содержание лазаретов, санитарного поезда и санитарной колонны

Сама же идея создания архитектурного ансамбля в стиле XVII века, который мог бы стать местом деятельности Общества возрождения художественной Руси, нашла живой отклик среди истинных художников, архитекторов; искусствоведов. Отец получил восторженные письма от А. В. Щусева и

В. М. Васнецова. Теплое письмо было получено от писателя Леонида Андреева. Проект Городка приветствовал композитор и музыкальный деятель Василий Васильевич Андреев.

В обсуждении и разработке проекта приняли деятельное участие архитекторы: А. В. Щусев, А. Н. Померанцев, В. А. Покровский, С. ...С. Кричинский, П. П. Покровкин, В. В. Суслов, В. Н. Максимов; художники: А. М. и В.М.Васнецовы, Н. С. Самокши, М. В. Нестеров, Л. С. Пастернак, И. Я. Билибин, Н. П. Пашков, М. Г. Кирсанов, Сырков, Педашко, Зворыкин.

Были намечены два периода строительства: первый до 1913 года — постройка церкви по проекту А. Померанцева, позже несколько измененному В. Покровским, и второй — до 1917 года — постройка Городка — ансамбля по проекту В. Покровского, позже в процессе работы несколько измененному, заканчивающим строительство архитектором С. Кричинским. По иронии судьбы, этой же периодизации оказалась позже подчинена и жизнь в Городке, смещенная на один год до 1914 года — мирное строительство и разработка планов, и с 1914 года по 1917 года, февраль месяц — жизнь, потревоженная войной, когда в Городок вошел госпиталь, а затем - революция.

А пока, в 1910 году, архитектор А. Померанцев, известный постройкой Верхнего торгового ряда (ныне ГУМ) в Москве против Кремля, а затем и В. Покровский, создатель проекта Военно-исторического музея в Петербурге, а в советское время один из участников строительства Волховской ГЭС, в основу проекта храма положили церковь — Храм Иоанна Предтечи на Толчее (в Ярославле) и Храм Спаса на Бору (Московский Кремль).

*Церковь Святой Троицы. Его Величества Император и Императрица. Его Величества Сводный дворец, императорский дворец в Царском Селе.
Проект и стр. В. А. ПОКРОВСКИЙ, анализ. архит. С.П.Вурга.*

Осенью 1913 года строительство храма было закончено и ему «высочайше» было присвоено имя «Федоровский государев собор». В храме было два притвора, один из которых, нижний,

«Пещерный храм» должен был стать исповедальней царя. В этом храме была собрана уникальная коллекция старинных икон.

Внутреннюю роспись храма вел художник Сырнов по эскизам, рассмотренным или составленным А. М. и В. М. Васнецовыми. С. М. Васнецов являлся главным художником Храма, а затем и других зданий. Во внешнем оформлении храма была использована мозаика, выполненная в известных Фроловских мастерских. Интересно, что кладка фундамента храма, а позже и Городка, как и части стен, велась из известняка, добываемого из карьеров в пос. Тайцы. Это была последняя разработка богатых карьеров, ныне забытых.

Г.Н.Горелов. Русский Городок. 1916

Еще летом 1913 года началось строительство и других сооружений задуманного ансамбля. Эти сооружения представляли собой обособленный городок, обнесенный кремлевской стеной со сторожевыми башнями, бойницами, каменными, с богатой резьбой, тремя воротами. В Городке были задуманы пять отдельных построек, носящих условные названия: трапезная, дом ктитора-старосты, дом иерея. Весь Городок получил название «Городок при Федоровском государевом соборе» и имел официальное назначение Городка для причта собора. Однако истинное назначение Городка, по идее его авторов, было другое. Задача состояла в том, чтобы создать городок «живой» музей старины, творчески внесенный в новую эпоху- эпоху XX века. Этот городок должен был быть местом деятельности - Общества возрождения художественной Руси.

Мы живем на императорской ферме

В 1913 году отец был произведен в полковники и назначен штаб-офицером для поручений при дворцовом-коменданте. Из офицерского флигеля Сводного полка, где я родился, мы переехали на императорскую ферму в отведенную отцу кваргару.

Старинные, массивные, окрашенные в красный цвет здания фермы напоминают крепость, увенчанную башнями. В блестящих чистотой коровниках стоят красные, под цвет фермы, коровы датской породы, а в отдельном стойле огромный бык с продетым сквозь ноздри кольцом. За стеной нашей квартиры телятник и в детской брата постоянно слышно глухое мычание телят. Видимо, когда-то наша квартира была тоже телятником. Теперь она состоит из шести комнат, тесно заставленных предметами старинного русского обихода. Уникальная парча, развешенная по стенам, служит красивым фоном для икон древнего письма, а в центре отцовского кабинета висит картина «Патриарх Гермоген» кисти М. В. Васнецова, подаренная им отцу.

До того, как отец перенес свой кабинет в Городок, у нас в квартире всегда бывало множество людей. Получающий ежемесячно кузминский извозчик Михаил Егорович Егоров или Миша-извозчик, как его все называют, едва успевает привозить и отвозить гостей на вокзал. Художник Самокиш неизменно появляется с большой папкой, в ней рисунки знамен, хоругвей, солдат различных полков русской армии/ Моряк, лейтенант Сводного полка, выпивоха Ванечка Билибин приезжает со своим двоюродным братом художником И. Я. Билибиным. Иногда художник дарит мне книжки с интересными русскими сказками с его иллюстрациями.

До войны у нас в гостиной музыка почти не смолкала. Моя мать — ученица прекрасной музыкантши Ольги Яковлевны Чистович, очень любила играть на рояле. Иногда появляется с балалайкой в руках Василий Васильевич Андреев. Он знает, что для меня нет слаще звуков полковых маршей, и исполняет марш Сводного полка своего сочинения. Затем он исполняет одну русскую песню за другой, а до них мой отец был большой охотник.

А как был колоритен гусяр Николай Николаевич Голосов с густыми черными бровями и огромными усами. Он как-то умел двигать одновременно бровями и усами в такт музыки, а я смотрел на эти движения, как замороженный. Но больше всех я любил Ивана Константиновича де-Лазари или Ваничку, как его фамильярно называли все. Он был драматическим актером Александрийского театра и в то же время виртуозом-гитаристом. В моих глазах его коронным номером был парад войск гвардии. Весь парад изображался в лицах, подавались команды, слышались марши разных полков, топот солдатских ног и цокот копыт проходящей кавалерии.

Иногда Николай Николаевич Ходотов под аккомпанемент замечательного баяниста Федя Рамша пел какие-то песни, а сказительница Устругова сказывала сказки древние. Изредка приезжает балерина Агриппина Яковлевна Ваганова. После ее отъезда взрослые о чем-то перешептываются и это меня очень интригует. Почему они шепчутся? И почему вспоминают моего дядю Савина

Васильевича Корнилова? Почему говорят, что Агриппина Яковлевна играет для дяди Савина роль мадам Виардо? Все это я понял много лет спустя.

Когда в отцовском кабинете становилось тесно, а от папиросного и сигарного дыма тяжело дышалось, гости переходили в гостиную или столовую, рассаживались за раздвинутый на несколько досок обеденный стол и продолжали спор, начатый в кабинете. Спорили о русской старине, о чистоте нашей речи, об охране памятников русской старины, о преемственном возрождении древних искусств в условиях современности.

За столбм появляются художники: В. М. и А. М. Васнецовы, М. В. Нестеров, П. В. Пашков, Н. К. Рерих, архитекторы: А.- В. Щусев, А. В. Померанцев, собиратель древних икон академик Н. П. Лихачев. Всегда на минуту забегает вечно куда-то спешащий молодой чернобородый приветливый архитектор В. М. Максимов.

Помню, как за одним из таких ужинов, раздвинув тарелки, потирая время от времени ярко-красную щеку, Аполлинарий Михайлович Васнецов стал показывать рисунки новой, формы русской армии. Глядя на эти рисунки, мне казалось, что ожили сказочные русские богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич, и Алеша Попович, вооруженные современным оружием.

Я часто слышал от отца, что еще до войны существовал проект введения в русской армии нового обмундирования. Об эскизах, показанных Аполлинарием Михайловичем, я вспомнил после революции. С некоторыми изменениями оно было введено в Красной Армии. Шлемы получили название богатырок или буденновок. А шинели с «разговорами» разве не напоминали стрелецкие кафтаны? Видимо в военных архивах были найдены рисунки военного обмундирования, сделанные нашими выдающимися художниками, ибо они с некоторыми изменениями создали форму для Красной Армии, которую она носила в 30-х годах.

Не успел Аполлинарий Михайлович закончить показ рисунков, как в столовую вошел толстый, грузный, страдающий одышкой Анатолий Евграфович Молчанов и с ним артисты Владимир Николаевич Давыдов и Владимир Владимирович Сладкопевцев. Анатолий Евграфович стал рассказывать о своей недавно умершей жене — Марии Гавриловне Савиной. Что он говорил, не помню, но прекрасно помню, как во время его рассказа Владимир Николаевич Давыдов то и дело вытирал слезы.

Вечером, возвращаясь из Городка на ферму, я проходил мимо пашни, покрытой удивительно ровными линиями турнепса. Это прекрасно обработанное поле принадлежит императорской ферме. Иногда я вижу на нем пару сытых, до блеска вычищенных вороных коней в добротной сбруе, запряженных в плуг или борону. Упряжкой управляет бородатый человек в коричневой форменной фуражке и белом фартуке. Возделанное поле пересекает дорога, окаймленная вечнозеленой еловой живой изгородью.

Она упирается в белоснежные хоромы, увенчанные золотым шпилем. Это императорский павильон на специальной железнодорожной ветке, заканчивающейся в Петрограде на Царскосельском (ныне Витебском) вокзале.

За этой дорогой возвышается строящаяся на средства Третьяковых государева Ратная палата. Здесь должны экспонироваться батальные картины и будет создана портретная галерея нижних чинов — кавалеров полного Георгиевского банта. Строит Ратную палату архитектор Сидорчук. Он живет рядом с нами на ферме, в его дочь, Света, приходит иногда в наш большой сад посмотреть на ручного орла, грустно глядящего на мир своими желтыми глазами.

Бывает и так, что во дворе Ратной палаты я вижу художника Билибнна. По его эскизам расписывается Георгиевская башня и галерея, окружающая палату.

Неподалеку от галереи стоит сбитый немецкий самолет «Альбатрос». На его крыле нарисованы непривычные, острые черные кресты, непривычные и потому немного жуткие. Это первый и, кажется, последний экспонат, доставленный в государеву Ратную палату. У самолета я останавливаюсь и снова, и снова рассматриваю его, мысленно представляя себя летчиком. Отец возил меня на комендантский аэродром смотреть, как француз Пегу делал «мёртвую петлю». Слышал я и о знаменитых летчиках Габер-Волынском, Нестерове, и мои мысли были заняты авиацией.

Но как ни интересен самолет, а надо взглянуть через решетку на Александровский парк, широко раскинувшийся по ту сторону дороги против Ратной палаты и фермы. На пруду, изогнув шеи, плавают белые лебеди. Они куда красивее своих черных собратьев, медленно передвигающихся по каналу Екатерининского парка, берущего свое начало у Белого лебедя, из клюва которого день и ночь журчит кристально чиста и родниковая вода.

Вечнозеленые и серебристые рощи парка чередуются с небольшими лужайками и зарослями кустарника. Весной в парке не умолкает многоголосый птичий хор, слышатся задорные аккорды зяблика. Поет иволга, а на опушке леса у самой фермы мухоловка-пеструшка четко выговаривает свое излюбленное; «крути-крути-тикру-тикру». Частенько на этой лужайке парочками бродят фазаны, а дикие козочки с опаской глядят на дороге за оградой парка, по обочине которой взад и вперед шагом на доморощенном коне по своему участку разъезжает казак-конвоец. Иногда это донец, иногда кубанец, иногда терец, в зависимости от того, какая сотня в наряде. Казак в черкеске (по случаю военного времени она не синего, а защитного цвета), на поясе у него кинжал, на боку шашка, за спиной винтовка, к седлу приторочена скатанная бурка, а в руке неизменная нагайка. Эта картина знакома мне до мельчайших подробностей, и все же я с нетерпением жду, когда раздастся соловьиное пение. Среди парковых соловьев есть свои мастера, у которых песня состоит из 10—12 никогда не повторяющихся колен.

Александровский парк тщательно охраняется. Перед возвращением царской семьи из Петергофа или Ливадии, куда она обыкновенно уезжает на лето, его прочесывают во всех направлениях и, конечно, посторонние туда не пускаются. Но я с отцом несколько раз гулял по парку. С интересом рассматривал башню Спасителя, построенную при Николае I в виде развалин готического храма, или Китайский театр, отделанный внутри черным лакированным деревом. Интересна белая башня, на вершине которой во время войны был выставлен пост Сводного полка № 21 для наблюдения за вражескими самолетами.

На дорогах парка мы каждый раз встречаем слона, важно шагающего к пруду, где он в теплую погоду купается. Слона подарил персидский шах.

Любил я и Баболовский парк и Баболовский дворец - небольшое каменное здание, построенное при Екатерине в западной, пустынной части парка. Там проходит старинный водопровод, построенный еще при Елизавете I снабжающий Царское село замечательной питьевой водой из таицких ключей, расположенных в 14 километрах от города.

Во время прогулок по Царскосельским паркам отец старался в увлекательной форме познакомить меня с историей Царского Села. Рассказывал он так интересно, что я живо представлял себе как Карамзин, живя в Китайской деревне, работал над своей «Историей государства российского»; а Пушкин воспел в стихах фонтан «Дева с разбитым кувшином».

Население Городка

С августа 1914 года Городок жил и другой жизнью, носящей следы войны. В одном из домов, окрашенном в желтый цвет, разместился лазарет, получивший номер 17 и названный именем великих княжон Марии и Анастасии. В первом этаже этого здания помещались раненые солдаты, а во втором — раненые офицеры.

В лазарете у меня были все свои, и я каждый день забегал туда по несколько раз. Отец был начальником лазарета. Его помощником — близкий приятель, капитан Сводного полка Николай Никаноронич Андреев. Моя мать заведовала хозяйством лазарета. Сестрами милосердия тоже были близкие мне люди — сестра Надя, двоюродная сестра Вера Басова, тетка — Евгения Александровна Петерсон. Моя бывшая учительница Вера Николаевна Адамова оказалась прекрасной хирургической сестрой, Известный врач-терапевт Сергей Александрович Корней был женат на моей тетке, и его тоже привлекли к работе в лазарете. В общем полное семейство.

Только старшая сестра лазарета, присланная из Георгиевском Общины, наводила на меня страх. Да, кажется, не только на меня, но и на раненых и сестер милосердия. Старушка, участница Русско-турецкой и Русско-японской войн, с несколькими Георгиевскими медалями на груди, вечно была всеми недовольна и постоянно ворчала что-то себе под нос.

Был еще чужой мне человек высокий сухопарый хирург Сергей Александрович Мусин-Пушкин. Мне он запомнился словами: «Прошу не смешивать меня с графами Мусин-Пушкиными», «Я терпеть не могу офицеров...», «Мы все танцуем на вулкане...» Офицеры были моим кумиром я, конечно, человек, не терпящий их, стал мне антипатичен.

Иногда для консультации приезжал лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, впоследствии расстрелянный вместе с царем в Екатеринбурге. Мне он запомнился только своей серой офицерской накидкой. Сестрам милосердия и сиделкам помогали два мальчика-бойскаута.

Скоро я позакомлен и с ранеными. Их было немного. Вот по коридору второго этажа на костылях важно разгуливает, насколько это возможно на костылях и в халате, армейский драгун подполковник барон Будберг. Он недаром барон, весь его облик напоминает типичного немца. Зато другой подполковник, сибирский стрелок, усач Васильев, настоящий русак. Подполковники не переваривают друг друга и, кажется, не здороваются. В вечной меланхолии пребывает красавец поручик Поречкин, прозванный за свою внешность английским мальчиком. Не встает с

кровати всем недовольный, скандалист штабс-капитан Геращенко. Он варшавский гвардеец, сын влиятельного генерала и так надоел всем своими капризами, что отец как-то сказал: «Хороша бы в наш лазарет не попадали гвардейцы!».

Зато отец души не чаёт в другом штабс-капитане — Максиме Шибяеве. Он георгиевский кавалер, сын железнодорожного рабочего и все отзываются о нем, как об очень хорошем и скромном человеке. А у меня в голове не укладывается - сын рабочего и вдруг — офицер!

Внизу в отдельной палате лежит молодой солдат, совсем мальчик, Лукьянов. У него мозговое ранение. Врачи говорят, что он долго не протянет, а всем так хочется, чтобы Лукьянов поправился.

В подвале, на кухне у огромной плиты хлопчет толстый повар Анисимов, похожий на огромный белый шар. До войны толстяк работал поваром в Европейской гостинице и пользовался широкой известностью у петербургских гурманов. И здесь, в лазарете, Анисимов кормит раненых выше всякой похвалы, а возможности хорошо кормить есть, лазарет содержал петроградский богач Степан Петрович Елисеев, а затем сахарозаводчик Карл Иосифович Ярошинский. На питание расходуется денег намного больше, чем в лазаретах Красного Креста.

Время от времени отец совершает обходы лазарета, после чего появляются грозные приказы. В них достается всем, в том числе и моей матери. Основной мотив приказов — недостаточная забота о раненых

Здание лазарета соединено крепостными воротами с кочегаркой, прачечной и чудесной баней. У дверей кочегарки в свободное время, греясь на солнышке, посиживает кочегар Буксин. Наверное в знак особой симпатии он как-то поведал мне способ употребления денатурата или ханжи, как этот напиток назывался в то время. А когда Буксина не было на его излюбленном месте, я входил в следующую дверь, она вела в баню. Такой бани я ни до, ни после никогда не видел. Это был идеал русской бани. Недаром она приобрела необычайную популярность, попариться в ней приезжали министр. Кривошей, поэты Клюев и Ремизов, царскосельский воинский начальник. Там парились артисты и художники. Любила помыться в бане и Анна Александровна Вырубова, даром, что едва передвигалась на костылях.

Особую прелесть этой бане придавал банщик Афанасий Воронин. В прошлом солдат 1-й роты Сводного полка, уволенный по истечении действительной службы в запас, он во "время войны" был снова взят в армию и тяжело ранен. Стал инвалидом. Написал моему отцу письмо и очутился в роли банщика. В бане Афанасий держит различные квасы, изготовленные поваром Анисимовым. А какой аромат распространяется по бане, когда банщик плеснет на каменку квас! И веники — были у Воронина какие-то особые. По вечерам банщик развлекал раненых игрой на гармошке. Был он гармонист и певец отличный. Когда-то в Сводном полку черноусый ефрейтор Воронин в бескозырке с синим околышем лихо плясал русскую.

Поселился Воронин с женой и сыном Виктором в угловой башне, выходившей окнами-бойницами на Александровский парк. Витька Воронин стал моим закадычным другом и я на дню по несколько раз забегал к нему домой, каждый раз поражаясь непривычным круглым комнатам.

Был у меня еще друг — Кирилл Шешеня, сын лазаретной сиделки. Когда я не был среди взрослых, меня можно было увидеть в компании Кирюши и Витьки. Так нас втроем и изобразил на большом полотне на фоне Федоровского городка художник, впоследствии Лауреат Государственной премии Гавриил Горелов. Тут же, на картине, изображен мой верный спутник рыжий Красавец ирландский сеттер «Айриш-Стоп», завода Ширинского-Шихматова.

Заглянув к банщику Афанасию, я заходил в конюшню с сеновалом в виде рубленой избушки наверху, и в гараж. Здесь меня ждут мои друзья Федор Прибытков и Георгий Костюк.

"Чем больше Городок овладевал моими помыслами, тем хуже я учился, а уроки совсем перестал готовить. Тогда на семейном совете решено превратить меня в полупансионера мадам Тизенгольдт. Я завтракал с хозяйкой школы, обедал у нее, а затем до 6 часов вечера готовил там же в школе уроки. Но ничего не помогало, мое тело было в школе, а мысли — в Городке.

«Хозяйки лазарета»

Если дело было летом, я вставал ни свет ни заря и сразу же отправлялся в Городок и носился там целый день на велосипеде, поэтому и получил прозвище «мальчик на велосипеде». В день я по несколько раз встречал «хозяек лазарета» великих княжон Марию и Анастасию Николаевен, В хорошую погоду они приходили в лазарет пешком, а в дождливую приезжали на придворной автомашине марки «Рено». В солдатском лазарете великие княжны играли с ранеными в шашки и домино, болтали с сестрами, а затем поднимались во второй этаж в офицерское отделение, после чего в сопровождении раненых офицеров возвращались во дворец.

Иногда, тайком от родителей, приносили семейные альбомы с фотографиями. По вечерам из дворца звонили по телефону, болтали о пустяках, жаловались на «Швепса», так они звали брата Алексея — наследника престола. Говорили, что он им до смерти надоел и сейчас мешает говорить по телефону.

Как-то в разговоре Анастасия Николаевна рассказала о том, как мама, так они называли императрицу, во время торжественного богослужения в Киеве села мимо кресла (у нее болели ноги и она во время богослужения сидела, хотя считала это величайшим грехом и слабостью) и как младшие великие княжны расхохотались и за это их выгнали из собора.

Императорский двор опрощается

Из разговоров взрослых я знал, что «хозяйки» — девушки очень простые и совсем не церемонные. Да, собственно, никаких церемоний и не было. Великих княжон было запрещено титуловать и их называли по имени и отчеству. Правда, солдаты называли их «ваши императорские высочества».

Жизнь в Федоровском городке, как это я сейчас себе представляю, отличалась простотой, и все же Городок не мог не жить интересами императорского двора. Царская семья молилась в Федоровском соборе, царские дочери ежедневно бывали в Городке. Императорский двор, в лице министра двора графа Фредерикса и гофмаршала графа Бенкендорфа с его гофмаршальской частью, был рядом. Но что это был за двор? От былого азиатско-византийского великолепия ничего не осталось, бездействовали сотни придворных лакеев, скучал придворный арап негр Апти. Царская семья опрощалась. Николай II разгребал снег у дворца, было запрещено вызывать караул на линейку для оказания почестей наследнику цесаревичу Алексею. Говорили, что Александра Федоровна считает непедагогичным вызывать каждый раз караул, когда мальчику вздумается выйти из дворца.

Великие княжны ходили за покупками в царскосельский Гостиный двор. Царь христосовался с солдатами и к великому неудовольствию придворного духовенства молился не в придворной церкви Екатерининского дворца, а среди солдат в полковом храме, получившем наименование государева собора.

Каждый день в специальном ларце в серебряных мисках два солдата Сводного полка носили во дворец пробу солдатского обеда и царь с удовольствием ее съедал. Распространялись фотографии Николая II в походном обмундировании солдата 16-го Стрелкового полка, а его сын во время войны постоянно носил солдатскую форму сперва с погонами рядового, а потом с унтер-офицерскими лычками.

Последствия моей дружбы с солдатами

В 1915 году отец приспособил две большие комнаты в розовом доме Городка для своего кабинета и столовой. В будни и праздники вставал он в 6 часов утра и по давней кадетской привычке собственноручно застилал кровать, тщательно умывался, брился, при помощи фиксажура закручивал «вильгельмовские» усы и уходил в Городок или в собор. Часов в 9 в лазарет уходила мать, а меня на лошади кучер отвозил в школу мадам Тизенгольдт. Дома оставался лишь трехлетний брат Борис и прислуга. Из школы я отправлялся прямо в Городок, а оттуда к великому неудовольствию матери, возвращался домой часов в 10 вечера, а когда у отца были гости, то и

позднее. (Родился Юрий Дмитриевич 15 октября 1906 года. Крестной матерью его была Императрица Александра Федоровна. — Л. К.)

Среди сверстников у меня было только два друга, о которых я уже говорил. Дети из «приличных семей» со мной не дружили и вот почему. Когда мне исполнилось 6 лет, отец отвел меня в 1-ю роту Сводного полка, которой он в то время командовал. Собрал солдат и, обращаясь к ним, сказал: «Я привел к вам своего сына, воспитайте его так, чтобы ваши дети, если придется им служить под его командованием, сказали — он хороший командир».

Я много раз слышал, как отец рассказывал о том, как он, юный подпоручик 146 Новочерасского полка совсем не знал солдат, которыми ему пришлось командовать, и что теперь офицер должен не только командовать, но и воспитывать солдат, и что он хочет, чтобы его сын вырос среди солдат. Как-то полуротный командир 1-й роты, которой командовал отец, старшин лейтенант Могульский сказал: «У нас все наоборот, полковой священник отец Николай печется о дисциплине солдат, а капитан Ломан о их душе».

И я действительно почувствовал себя солдатом 4-го взвода. Да к тому же взводом командовал наш бывший денщик Федор Прибытков, мой закадычный друг и наставник. Я ел с солдатами из одного бачка, ходил с ними на стрельбище. Вставал с постели под звуки горна и ложился спать как только горнист протрубит зорю.

Родители моих сверстников, офицеры Сводного полка довольно косо смотрели на мою дружбу с солдатами, они считали, что в казармах я наслушался таких вещей, что запросто могу испортить их детей. Кроме того, манеры у меня были ужасные, а в довершение всего я был необычайно застенчив. В общем — невоспитанный мальчик; с которым хорошим, воспитанным детям лучше не играть. Между тем, от солдат я не слышал ни одного ругательного слова, ни одной сальности.

Рязанский поэт-самородок на императорской ферме

Как-то зимой 1916 года, вскоре после Крещения, вечером, раньше обыкновенного, ссылаясь на недомогание, отец стал собираться из своей канцелярии домой на ферму. Я никогда не видел отца больным и даже не представлял себе такой возможности. Поэтому сразу же увязался за

ним. Заложённый в лёгкие санки гнедой красавец Прунчик мигом домчал нас до фермы. Но прилечь не удалось: Едва вошел он в спальню, как в передней раздался звонок.

Денщик Роман Фролов доложил: «Клюев просит его принять, а с ним ещё какой-то молодой». «Ваше высокоблагородие, — переминаясь с ноги на ногу, продолжал Фролов, — все народ, да народ, отдохнуть вам не дадут. Я скажу, что вы больны». «Нет, люди по делу приехали из Петрограда. Прося в кабинет». Появился Клюев, все такой же благостный, каким я привык его видеть. Он мне напоминал попа-расстригу, а они у нас тоже время от времени появлялись. На этот раз Клюев был не один. С ним пришел молодой кудрявый блондин в канареечного цвета рубаше и русских цветных сапогах на высоченном каблуке. Я на него глянул и мне показалось, что этот парень похож на Ивана-царевича, словно он только сошел с серого волка.

Правда, даже если бы сам Иван-царевич появился у нас в гостях, я бы не удивился. Я привык видеть солдат-служителей Федоровского собора или «церковников», как их называли, в одежде, исполненной по эскизам В. М. Васнецова и очень напоминающим стрелецкий кафтан. В кабинете отца висела картина этого художника «Солдат Елисей Канаев в одежде служителя Федоровского государева собора». Чернобородый красавец Елисей Васильевич Канаев был похож на сокольничего царя Алексея Михайловича с иллюстрации книги «Соколиная охота царя Алексея Михайловича».

У нас в квартире бывали самые разнообразные люди: придворные чины в расшитых золотом мундирах, высшие иерархи православной церкви, офицеры в форме своих полков и крестьяне в зипунах (отец не терял связи с крестьянами Симбирской губернии, куда он был послан во время голода). Бывал у нас и знаменитый старец Григорий Распутин, которого я по привычке классифицировать людей, поместил где-то между монахами и извозчиками. По-моему, его что-то роднило и с теми, и с другими. В общем одеждой на меня произвести впечатление было трудно. Поразила меня молодость гостя и его белокурые вьющиеся волосы. Когда гости ушли, я спросил у отца, кто этот молодой парень? «Крестьянский поэт-самородок, рязанец, Сергей Есенин».

По словам тети Жени мой отец был необычайный фантазер. Я помню, как у нас то и дело появлялись новые «гении» и самородки из народа, в необычной для того времени одежде, которых отец где-то откапывал. Многие из них злоупотребляли его доверчивостью. Кстати, у моей матери и у ее рационально мыслящих родственников эти люди, — естественно, вызывали предубеждение. И мне кажется, что Клюев и Есенин в нашей семье, да и не только в нашей семье, но и в Федоровском городке, были встречены с таким же предубеждением.

Дом мастеровых

Только что закончено строительство «Дома мастеровых». Филенчатая желтая дверь, украшенная переплетом в русском стиле, ведет в небольшую продолговатую комнату. Квадратный коричневый стол с русским старинным орнаментом, такие же стулья и на них подушки из русской цветастой набойки. Четыре койки под грубыми солдатскими одеялами. В комнате два окна. Из одного видна «Сторожевая башня», в которой работают резчики по дереву братья Симоновы, а замечательные умельцы палешане реставрируют — «расчищают» древние иконы, предназначенные для музея Городка. Над изголовьем койки, что придвинута к окну, дощечка, на ней рукой поэта тщательно выведено мелом: «Рядовой Сергей Есенин». А ниже на перекладине полотенце, расшитое огненными петухами. Отец любит эти полотенца. Они были у солдат 1-й роты, теперь у солдат, живущих в Городке.

В комнате еще три такие же койки. Их занимают мои друзья — братья Прибытковы и писарь Кукушкин. В эту комнату я прихожу к Прибытковым. Есенина я дичусь, потому что очень мало его знаю. В комнате он ночует только в дни концертов или когда занят чем-нибудь с отцом. Кукушкина тоже здесь почти не бывает. У него семья в Петрограде и он норовит хоть на последнем, поезде, но уехать домой. Федор и Костя Прибытковы частенько дома, одни из них шофер, другой — то кучер, то посыльный. Костя возит пакеты архитектору Кричи некому, Н. К. Рериху на Морскую улицу, его брату Б. К. Рериху на Васильевский остров и там же на Васильевском острове он заносит пакеты Н. Н. Арбатову. Один раз он даже возил пакет в Ставку Верховного Главнокомандующего в Могилев и долго потом рассказы, вал подробности своей поездки.

В том же доме, только с отдельным входом, занимал двухкомнатную квартиру шофер служебной машины отца старший унтер-офицер Георгий Павлович Костюк, в прошлом командир 3-го взвода 1-й роты Своднопехотного полка. Костюк не расставался с отцом, после окончания курсов стал его шофером. Он только недавно женился на хорошенькой, очень трудолюбивой портнихе лазарета Вареньке. Венчание было . совершено в Федоровском соборе, а затем для молодых был устроен многолюдный ужин в трапезной Городка и к этому дню был приурочен переезд Костюка в новую квартиру, обставленную мебелью, сделанную в Городке по эскизам Н. А. Арбатова.

У Костюка на новоселье

Через несколько дней после свадьбы Костюк пригласил отца на новоселье. В гости мы отправились целой компанией. Рядом с костистым, довольно высоким художником Георгием Ивановичем Нарбутом, маленький, юркий Владимир Владимирович Сладкопепцев. Оба они в форме военных чиновников. Сладкопепцев, оживленно жестикулируя, продолжает какой-то разговор, начатый в кабинете отца, а Есенин в непривычной для моего глаза солдатской форме, громко хохочет. Идти нам недалеко, надо лишь пересечь двор Федоровского городка.

За столом мы уже застали небольшую компанию солдат. Шоферы Федор Прибытков, Сергей Аннценко, банщик Афанасии Воронин видно налили уже по рюмке из чайника, куда в целях конспирации по случаю «сухого закона» была налита водка, и выпили за здоровье молодых, сидевших под образами.

Разговором завладел Сергей Аннценко. Он был признанный острослов и за словом в карман не лез. Сережа был, что называется забубённая голова, на офицеров не обращал ни малейшего внимания, и стоило ему приехать в Царское Село, как все в Городке только о нем и говорили. Признавал он только отца. Когда-то он тоже служил в Сводном полку, затем уволился в запас, работал на Балтийском заводе, а во время войны стал шофером машины, которая обслуживала петроградскую канцелярию отца.

Между прочим, Юшин на стр. 129 своей книги пишет: «И хотя канцелярия «Общества» находилась в Петрограде в Большом Казачьем переулке, дом 9, штаб его в Царскосельском дворце в управлении дворцового коменданта, в ведении которого входил Федоровский'собор».

Здесь есть и неточность и некоторая натяжка. Канцелярия Общества в Петрограде — это отделение Царскосельской канцелярии отца. Для удобства отец ее поместил в нескольких шагах от Царскосельского вокзала. «Штаб» Общества был и в Петрограде, и в Царском Селе,

только не в Царскосельском дворце и не в управлении дворцового коменданта, а в Федоровском городке, а это все-таки не одно и то же.

Вот, кстати, интересная деталь. В Петроградской канцелярии отца ведал делами необычайно разбитной унтер-офицер Сводного полка Терентий Сидоров. После революции он, к удивлению всех, оказался давним социал-демократом.

Сережа Аннщенко, поработав перед войной на Балтийском заводе, потерял лихой вид солдата и стал похож на рабочего в военной форме. И в Сводном полку тоже солдаты стали не те. Офицеры жаловались на солдат-фронтовиков, георгиевских кавалеров. Эти солдаты отслужили до войны срочную службу в Сводном полку, а с началом войны были призваны в действующую армию, некоторые стали кавалерами полного георгиевского банта. В 1916 году было принято решение отозвать из действующей армии их и направить в Сводный полк, где они когда-то служили. Эти солдаты часто нарушали дисциплину, и Николай Никанорович Андреев говорил, что они разлагают Сводный полк.

Но вернемся к застолице на новоселье. Великолепный чтец-импровизатор, любимец петроградской публики Владимир Владимирович Сладкопевцев в лицах изобразил монастырь, где игуменом Клюев, а послушником Есенин. Затем он рассказал сказку о том, как ожила васнецовская птица-Гамаюн, в роскошном хвосте которой золотое перо — Клюев, серебряное — Есенин, и медные перышки — мы, сидящие за столом. Импровизации Сладкопевцева прерывались громким хохотом, а Георгий Иванович Нарбут выкрикивал какие-то холодные слова, вызывавшие еще больший смех.

Тогда, по малолетству, я, конечно, не мог оценить мастерства Владимира Владимировича, хотя его рассказы смешили меня не меньше взрослых. Спустя более сорока лет я прочитал воспоминания Станиславского, в которых Константин Сергеевич вспоминает прощальные ужины у Марии Гавриловны Савиной. На этих ужинах Сладкопевцев, импровизируя, как бы подводил итог гастролей МХАТа в Петербурге. С большим опозданием я понял, что на новоселье у шофера Костюка мне довелось увидеть большого поэта, большого художника и большого артиста.

Из окон нашей квартиры были видны две куртины молодых сибирских кедров. Они и сейчас, сильно повзрослев, возвышаются против развалин Городка. Мы с отцом привезли эти кедровые из поездки в монастырь в Верхотурье на реке Кама. Они прижились, пережили революцию, войну и, как ни в чем не бывало, тянутся вверх

Я еду на фронт

Как-то летом 1916 года отец стал собираться в поездку на санитарном поезде. Такие поездки он время от времени совершал. В прошлом году он даже взял с собой меня, да и в этом году ему очень хочется, чтобы я был с ним. Вот только как мать? Она очень боится таких поездок и всячески им противодействует. Как только распространилась, весть о поездке отца, обитатели Федоровского городка, как по команде, повесили носы. Отца в его отсутствие заменял полковник Сводного полка Николай Никанорович Андреев, страстный поборник воинской дисциплины.

Как только Андреев оставался за отца, он сразу же принимался за восстановление воинской дисциплины, считая, что отец распускает солдат. Надо сказать, что отец окончил Павловское военное училище и как истый «павлон» был прекрасным строевиком, в молодости постоянно командовал почетными караулами, выстраиваемыми для встречи различных знатных иностранцев. И по этой причине у него было множество иностранных орденов, был даже французский орден

«Черной Звезды», в статуте которого говорится, что орденом награждаются за заслуги в распространении католичества среди негров. Однако отец, будучи прекрасным строевиком, считал, что живое слово значит больше, чем муштра, поэтому солдат он в мелочах не допекал, хотя умел мастерски устраивать разносы, оставаясь при этом совершенно спокойным.
(продолжение)

Концерт в офицерском лазарете

Весной 1916 года в Городке было закончено строительство еще-одного дома, отделанного так же, как и здание Трапезной, белый камнем. В это здание перевели раненых офицеров, размешавшихся во втором этаже здания солдатского лазарета. Вот в этом лазарете 21 июля 1916 года в день тезоименитства вдовствующей императрицы Марии Федоровны или, говоря обыкновенным языком, именин вдовы императора Александра III и великой княжны Марии Николаевны, был назначен концерт.

Часов около четырех к лазарету подъехал огромный императорский «Делоне Д,Вельвилль». У автомобиля были большие медные фонари, а вместо номера на жестянке была нарисована буква «А» под императорской короной. За рулем императорской машины сидел шофер в кителе офицерского покроя, в пальто песочного цвета и фуражке. А рядом с ним выездной лейб-казак в высокой меховой шапке с алой суконной выпушкой. В машине императрица и четыре великие княжны Они приехали осмотреть лазарет и послушать концерт. Лейб-казак открыл дверцу и помог императорской семье выйти из машины.

Одеты сегодня высочайшие особы изысканно, Императрица не в костюме сестры милосердия, а в платье своего любимого сиреневого цвета. Великие княжны тоже в нарядных платьях. Это редкий случай, когда младшие великие княжны нарядно одеты. Обыкновенно у них довольно затрапезный вид: зимой они ходят в шерстяных вязанных кофточках, на голове вязаные шапочки, а вокруг шеи намотан длинный шарф, а летом — в длинных шелковых кофточках, заметно выгоревших на спине.

После осмотра лазарета великие княжны остались болтать с ранеными офицерами, а императрица по приглашению моей матери, поднялась на маленький балкончик, выходящий на пруд Федоровского собора Здесь был сервирован чай на две персоны На другой день мать подробно рассказывала о своем разговоре с Александрой Федоровной, но я только запомнил в передаче матери следующие слова императрицы: «Я родилась в день святого Иова многострадального и не только сама обречена на мучения, но я приношу несчастья людям. Чем больше я люблю человека, тем больше приношу ему несчастья».

Пока императрица пила чай в столовой лазарета и прилегающей к ней биллиардной все было подготовлено для концерта. Я, по своему обыкновению, уселся среди солдат на ступеньки, ведущие из биллиардной в столовую, с нетерпением ожидая начала концерта. Вели концерт Есенин и Сладкопевцев. Есенин читал специальное приветствие и стихотворение, посвященное «хозяйкам» лазарета «В багряном вареве закат кипуч и пенен». Затем Владимир Владимирович Сладкопевцев по своему обыкновению читал юмористические рассказы.

Второе отделение было отдано хору балалаечников под управлением Василия Васильевича Андреева. Третье отделение состояло из мозаики «Вечер в тереме боярышни XVII века». Постановка показалась мне ужасно скучной, и я с нетерпением ждал ее конца.

По окончании концерта отец представил императрице и великим княжнам Есенина, Сладкопевцева, артиста театра музыкальной драмы, служившего санитаром Н. С. Артамонова и режиссера Арбатова. Во время беседы императрицы с ними, ей были преподнесены сборник стихов Есенина «Радуница» и сборник рассказов Сладкопевцева. Обе книги были переплетены в черно-белую набойку и их привезли в один и тот же день с подаренной мне отцом книгой в такой же черно-белой набойке — «1812 год» Авенариуса. Видимо, поэтому я запомнил внешний вид книг, преподнесенных, императрице.

Под впечатлением концерта отец начал, выражаясь современным языком, «выбивать» подарки представлявшимся Александре Федоровне. В результате длительной переписки его хлопоты увенчались успехом. Есенин был награжден золотыми часами с гербом и золотой цепочкой, Сладкопевцев — золотым кулоном (видимо он рассчитывал вручить его своей жене Анне Абрамовне), третьим награжденным был Николай Николаевич Арбатов. Он часто бывал в Городке. Я помню, как мы по его приглашению ездили в Славянскую гимназию, где он ставил концерт.

В октябре или ноябре в лазарете состоялся еще один концерт. На этот раз в нем участвовали: балерина Агриппина Яковлевна Ваганова, исполнительница русских народных песен Наталья Васильевна Плевацкая и исполнительница цыганских романсов Наталья Ивановна Тамара. Как всегда Есенин напевно читал «Русь», а гуслеры под управлением Г. Н. Голосова, исполняли плясовые наигрыши.

Убийство «старца»

Кажется в декабре 1916 года убили «старца» Григория Распутина. Услышав об убийстве я вспомнил, как мы ходили с ним на танцы к конвойцам. По дороге в солдатской лавочке купили полфунта карамели «дюшес». А потом, посасывая конфеты, смотрели, как казаки танцуют русскую. Григорию Ефимовичу танцы не понравились. Конвойцы все время хлопали в ладоши и в такт музыке выкрикивали: «харц, харц». «Это не русская, — сказал «старец», — так лезгинку танцуют».

На обратном пути я спросил у него: «Что такое мужицкая правда»? «А чего ты меня спрашиваешь? — в свою очередь спросил он. «Папа говорит, что вы мужицкую правду царям говорите». «Твой папа известный мечтатель. Никакой такой мужицкой правды нет, есть одна правда и ее никто не любит слушать».

Вспомнились и другие встречи со старцем. Как-то раз он приехал к нам на дачу в Удриас. Моих родителей не было дома, и мне пришлось изображать гостеприимного хозяина. Я предложил прогуляться по пляжу. Помню, как Григорий Ефимович снял сапоги, размотал портянки, повесил их на стул и с видимым удовольствием, шевеля пальцами жилистых ног, прошелся по столовой. В то время я нечасто видел босых людей и, конечно, с любопытством глядел на Григория Ефимовича. На прогулку он пригласил горничную Марию Николаевну. Распутин взял ее под руку, и у них пошел разговор о деревенских делах. Горничная говорила, что на родине, в Новгородской губернии жить стало невмоготу. «Плохо ваше дело, — сказал Григорий Ефимович, — скажите вашему брату Павлу, чтобы в Сибирь переселялся. Скажите — верный человек советует».

В другой раз он также невзначай приехал к нам на ферму, и я был один дома. Сидел в столовой в компании кухарки, горничной, няни моего маленького брата и нескольких солдат. Мы заводили граммофон, слушали одну пластинку за другой. «А ну-ка, заводи комаринскую!» — попросил Распутин, входя в столовую. Послышались звуки плясовой, «старец» сделал несколько движений ногами, похлопал руками по голенищам сапог, а затем, махнув рукой, стал прощаться. «К Аннушке в госпиталь поеду. Буду там спать на стульях. Маму там увижу!» — скороговоркой забормотал он. Я всегда с удивлением наблюдал, как он переходит с обыкновенной речи на эту скороговорку. Он пользовался этой скороговоркой, когда напускал на себя святость.

Моя сестра Надя (старше Ю. Д. лет на 9—10. — Л. К.) непревзойденный мастер дразнить людей, как только встречала Григория Ефимовича, начинала донимать его вопросами: как без труда сделаться святым? действительно ли он святой? и что святые больше любят — мадеру или рябиновку? В ответ Григорий Ефимович начинал бормотать скороговоркой: «Грех тебе, грех, вот язык, как бритва», Распутин был не только хитрым, он неплохо разбирался в людях, был физиономистом. Так, увидев в квартире портрет дальнего родственника Дмитрия Николаевича, генерала с детьми, «старец» сказал: «Генерал твой неудачник и вся семья его неудачники». Жизнь подтвердила его приговор. У всех членов семьи генерала сложилась судьба неудачно.

У Дмитрия Николаевича с Распутиным были, по-видимому, непростые отношения. Дмитрий Николаевич не имел поместий и каких-либо доходов, кроме службы. Он надеялся получить генеральское звание, видя, как его товарищи по училищу далеко продвинулись по службе. Но помехой вставал Распутин.

Летом 1916 года в Петрограде отец разыскал Распутина, когда тот был в гостях у князя Андроникова на Троицкой улице в доме графини Толстой, где Андронников посещал квартиру. Приехал домой отец очень возбужденный и сказал матери, что он высказал Распутину все, что он о нем думал. А через несколько дней сказал: «Распутин сказал государю, что Ломана гордыни обуяла. При жизни его надо в черном теле держать, а после смерти памятник поставить».

Помню, какую бешеную энергию развил отец, чтобы не допустить отпевания Распутина в Федоровском соборе. Его тело отпевали в церкви Чесменской богадельни в Петрограде, Моему отцу поручили организовать похороны. Кроме царской семьи и священнослужителей на похоронах были только мой отец и полковник Мальцев. Это — артиллерист, командовал зенитными батареями, расставленными вокруг Александровского дворца. Могила Распутина оказалась рядом с одной из его батарей, в Серафимовском убежище, еще недостроенном, между Александровским парком и поселком Александровка.

Последнее дореволюционное Рождество

Настали рождественские праздники 1916 года. У Федоровского собора была поставлена огромная елка, густо украшенная, залитая светом электрических свечей.

В трапезной состоялся торжественный ужин. Сахарозаводчик Карл Иосифович Ярошанский, дававший средства на содержание лазарета, сделал хорошие подарки раненым в ценные подарки обслуживающему персоналу. Я помню, по сестры милосердия получили в подарок золотые наручные часы на золотом браслете. Карманные золотые часы с цепочками получили старшие унтер-офицеры Костюк и Прибытков и ефрейтор Фролов

Надо сказать, что награждение золотыми часами солдат имело место и раньше. Летом 1916 года старшему унтер-офицеру Роману Вобкову были пожалованы открытые золотые часы с гербом и цепочкой. Унтер-офицеры Костюк и Прибытков имели серебряные часы с гербом, серебряные часы с «штуцерами» за отличную стрельбу и все же получили от Ярошинского еще вдобавок золотые часы. Санитар Подгорный получил в подарок от С. П. Елисеева золотые часы с двумя

циферблатами, одним для петроградского времени, другим — для московского. Как видите, солдаты тоже награждались золотыми часами..Правда, бывало это редко, да и то только в Гвардии или в Царском Селе» Еще реже награждались золотыми часами с гербом. Эти рассуждения увели меня далеко от последнего дореволюционного Рождества. Вернусь к нему.

Для раненых солдат елка была устроена в вестибюле солдатского лазарета, рядом с рабочим столом моей матери. На выдержанной в древнем русском стиле лестнице висели привлекавшие мое внимание, да и не только мое, но и раненых солдат, особенно деревенских, часы с кукушкой. Поначалу я готов был просиживать часами, ожидая когда выскочит из домика птичка и прокричит свое «ку-ку». Вот под этими часами великие княжичи Мария Николаевна и Анастасия Николаевна раздавали раненым солдатам и санитарам подарки.

Федоровский собор

6 января 1917 года в Крещение в Федоровском соборе была необычайно торжественная служба с крестным ходом на пруд и водосвятием. Собор утопал в пальмах в живых цветах из императорских оранжерей. Левую сторону собора занимала солдаты Сводного полка» правую — казака конвоя В черкесках защитного цвета, за ними стоял и солдаты железнодорожного полка. Под хорами а на хорах разместились офицеры этих полков и их семьи.

По дорогим текинским коврам бесшумно скользили церковные служители в одежде, напоминающей стрелецкую. Редчайшие старинные иконы и парча необычайно гармонировали с общим обликом собора. Капелланы в петровских кафтанах застыли в ожидании взмаха дирижерской палочки Климова.

Раздался торжественный перезвон колоколов, ярко вспыхнули люстры. На правом клиросе появилась императорская семья. Начался изумительный концерт, составленный из духовных песнопений, произведения Львова и Ипполитова-Иванова, основанные на обработанных ими русских народных мотивах, как бы органически входили в древнерусский ансамбль собора и Городка. Но все это, конечно, по словам взрослых. А сам я в то время не в состоянии был оценить эту красоту.

Каких только священников и монахов я не видел за свою жизнь. У нас дома обедал благостный ласковый старичок митрополит петербургский и ладожский Макарий и его высокий, суровый, чернобородый преемник митрополит Владимир. А вот пришедшего им на смену митрополита Питирима отец не пригласил обедать, сказав о нем коротко, но выразительно: «Это законченный прохвост».

Митрополитов в Царском Селе встречали чуть ли не с царским почетом. К приходу поезда на станции Царское Село открывались царские комнаты и как раз против них останавливался специальный вагон, к которому была проложена красная ковровая дорожка. По этой дорожке шел митрополит в белоснежном высоком клобуке с бриллиантовым крестом на нем. Его сопровождала целая свита духовных лиц разного ранга. Митрополит здоровался и благословлял встречающих. Затем все рассаживались в придворные кареты, на козлах которых восседали кучера в красных ливреях, и процессия трогалась в Федоровский собор, где происходили торжественные службы.

Почести-то митрополитам оказывались большие, а вот от взрослых я частенько слышал, что стоит митрополиту чем-нибудь не угодить государю и его отправляют на покой или дают митрополию подальше от столицы.

Во время крещенской службы я сперва очутился у главного входа, но здесь стал мешать конвойцам, которые с хоругвями и иконами в руках готовились к крестному ходу. Я поднялся на хоры, где увидел Есенина, внимательно разглядывавшего собор. Во время крестного хода и водосвятия я шел рядом с ним. Есенин был в солдатской форме. На плечах у него погоны рядового с инициалами АФ, ниже буквы ЦВСП и № 143. Это обозначение дарскосельского военно-санитарного поезда № 143 имени государыни императрицы Александры Федоровны. Такая же форма и погоны на мне.

Вспоминая службы в Федоровском соборе, я теперь с полным основанием могу их сравнить с лучшими спектаклями Мейерхольда или Станиславского. Должен сказать, что отец был блестящим режиссером и службы в государевом соборе были своего рода шедеврами. Залитый светом Верхний храм, то утопающий в белых Хризантемах, то в сирени, то в цветущем миндале или мрачный, маленький, рассчитанный не больше, чем на сто человек Пещерный храм, создавали нужное молящимся настроение. Нелегко это давалось отцу. Человек он был настроений мистических, но духовенство держал «в решпекте».

Переезд в Федоровский городок

12 февраля 1917 года мы переехали на новую квартиру в здание трапезной Федоровского городка. Это был двухэтажный дом, отделанный белым камнем. В нем было много сводчатых палат, расписанных старинным русским орнаментом, узорчатых лестниц и переходов. Ряд комнат был обставлен мебелью с резными узорами русского орнамента, а ряд комнат — современной мебелью. По замыслу создателей Городка он не должен был быть лишь сколком с минувшего, а преемственным пересказом исконно русского художества на почве современности в условиях наших дней.

Я уверенно называю дату переезда — 12 февраля 1917 года, потому, что это число выгравировано на сохранившемся у меня блюде, на нем изображен витязь, принимающий у бояр хлеб-соль, а само блюдо покрыто русским орнаментом с вкрапленными в него камнями-самоцветами. На этом блюде в день новоселья отцу поднесли каравай круглого хлеба, покрытый расшитым полотенцем, а на нем стояла серебряная солонка. Блюдо стояло на маленьком столике в столовой — малой трапезной. Эта комната была весьма примечательна. Своды ее были расписаны текстами русских пословиц: «Добрая Весть — коли говорят пора есть», «Русский аппетит ничему не вредит», «Рыба — вода, ягода — трава, а хлеб всему голова», «Что там ни говори, а на русской черной каше выросла богатыри».

Для росписи потолков были применены темперные краски.

Своим убранством комната напоминала боярские хоромы. Одна из дверей столовой вала в столбовую палату, где была размещена интересная экспозиция русского народного декоративно-прикладного искусства, старинных икон, оружия. Бытовая утварь из дерева, металла и керамики, ажурные изделия из кости, расписные резные прялки, праздничная женская одежда, кокошники, осыпанные жемчугом, неисчерпаемое богатство самобытных форм, удивительная гамма красок. Сам облик столбовой палаты удачно сочетался с экспонатами, увеличивая их впечатляющую силу. В этой палате члены Общества возрождения художественной Руси предполагали проводить беседы о народном декоративном искусстве.

Несмотря на надвигающуюся бурю, жизнь в Городке шла своим чередом. 16 или 17 февраля я зашел в кабинет отца, хозяйственную рабочую хоромину. Это была большая комната со сводчатым потолком, окрашенным в зеленоватые тона. На потолке тоже были написаны тексты из русских пословиц. Они были окружены художественным орнаментом. Вот некоторые из них; «Горе только одного рака красит», «Где просто, тут ангелов со ста, где мудрено, тут, нет и одного», «Не пером пишут, а умом».

Кабинет был обставлен мебелью красного дерева. Недалеко от камина, облицованного старинными изразцами, стоял огромный письменный стол, рядом с ним вольтеровское кресло, около него маленький круглый столик, покрытый парчой, на нем старинная серебряная табакерка. Над диваном висела картина кисти Кирсанова «Федоровский собор». В углу складень со старинными иконами. Комната освещалась деревянной люстрой, сделанной в мастерской Городка.

В это утро за столом сидел отец, а в вольтеровском кресле художник Кирсанов. Вместе с отцом он готовился к показу трапезной членам Общества возрождения художественной Руси. Заседание этого Общества должно было состояться в Городке 19-го февраля. Кирсанов подарил отцу картину своей работы, на которой была изображена старинная церковка.

К ужину появился у нас еще один гость, фамилия его была не то Пальдероге, не то Ольдероге, в общем он свою фамилию рифмовал — выше ноги. Видимо поэтому я и запомнил его визит. Кажется, он был могилевским губернатором, -а может быть, губернским предводителем дворянства. Он много рассказывал о Могилеве, о губернаторском доме, где в то время жил царь, и о жизни Ставки Верховного Главнокомандующего.

Днем раньше или позднее этого ужина царь Николай II перед отъездом в Ставку осмотрел здание трапезной. Ему показали древние иконы и иконостасы из подмосковной церкви царя Алексея Михайловича, настенную живопись трапезной и несколько сводчатых палат, составлявших часть нашей квартиры. Царь несколько раз повторил: «Прямо сон наяву — не знаю, где я, в Царском Селе или в Москве в Кремле». Потом он прошел в остальные весьма комфортабельные комнаты нашей квартиры, ничем не напоминавшие русскую старину, разве что в одной из них была лежанка, сложенная из найденных где-то древних изразцов, да в моей детской комнате стена, выходящая на внутреннюю расписанную древним орнаментом лестницу, была деревянная резная с маленькими окошками из слюды. На лестнице висели картины кисти художника Гавриила Горелова на сюжеты Городка, санитарного поезда и лазарета. Увидя в моей детской расставленных на столе игрушечных солдатиков-павловцев, царь сказал: «Сразу видно, что здесь живет сын павловца и сам будущий павловец». В гостиной он сел в мягкое кресло, долго рассматривал картину, на которой был изображен старый паровоз и несколько вагонов, показавшихся из-за поворота. «Так бы и сидел в этом уютном кресле, забыв о всех делах, да, к сожалению, они все время о себе напоминают».

19-го февраля в трапезной, прилегающей к нашей квартире, состоялось заседание Общества Возрождения художественной Руси. Потом был концерт. В нем участвовали В. В. Андреев со своим оркестром, гусяры Н. Н. Голосова и Есенин. Как сообщала 24 февраля 1917 года одна из газет того времени: «Трапезная палата оправдала свое название и воскресила старинное русское хлебосольство. Песенники, гусяры и народный поэт Есенин, читавший свои произведения... мешали действительность со сказкой».

«Есенин больше не будет служить в городке»

3 февраля 1917 года отец собрался поехать в Гельсингфорс навестить мою сестру Надю и гостившую у нее маму. Как всегда, он решил взять меня с собой.

Днем я несколько раз забегал к отцу в кабинет и заставлял его за письменным столом в окружении делопроизводителя И. Е. Лебедева и писарей Пунько и Кукушкина. Они сновали между кабинетом и канцелярией, занимавшей несколько комнат, и приносили отцу на подпись какие-то бумаги.

Уже в конце дня я услышал, как Кукушкин просит подписать бумаги для Есенина, и отец с неудовольствием подписывает их. Кукушкин уходит, но почти сразу же возвращается с новыми бумагами для Есенина и что-то шепчет отцу. Тот подписывает и, морщась, говорит Кукушкину: «Дайте все, что он просит...». Меня удивило, что Есенин ведет переговоры через писарей. Я спросил об этом отца. Он неохотно ответил: «Есенин больше в городке служить не будет».

Революция пришла в царскую резиденцию

28 февраля вечером, едва начало смеркаться, в казармах императорского конвоя, расположенных рядом с Федоровским городком, раздался сигнал тревоги, и спустя несколько минут через двор Городка по три в ряд проскакало несколько казачьих сотен. Я бросился вслед скачущим всадникам. Выбежал через вторые ворота Городка и увидел идущий беглым шагом сводный полк. Солдаты шли, держа винтовки в руках. Конвой и сводный полк скрылись в главных воротах Александровского дворца.

Затем кто-то позвонил по телефону и сказал отцу, что в Царскосельской гостинице громят винный погреб. Еще через некоторое время в Софии, где стояли запасные полки, послышалась все нарастающая ружейная стрельба.

Отец вышел на крыльцо, прислушался, вызвал автомашину для того, чтобы отправить нас с братом к дедушке Федору Константиновичу. У дедушки мы переночевали только одну ночь и утром вернулись в Городок. О последующих событиях у меня сохранились самые сумбурные воспоминания.

Несколько раз отец ездил на автомашине в канцелярию дворцового коменданта, где полковник Гротен, замещавший генерала Воейкова, проводил совещания.

Императрица заявила, что все ее дети больны, она считает себя сестрой милосердия, а дворец госпиталем и запрещает охране какие-либо боевые действия.

Солдаты Сводного полка и казаки конвоя, поднятые по тревоге и размещенные в подвалах дворца, не получая никаких распоряжений и не зная, что делается за пределами дворца, томятся неизвестностью, хотят вернуться в казармы.

Солдаты артиллерийской противовоздушной обороны заявили, что если дворцовая охрана будет стрелять, они откроют артиллерийский огонь по дворцу. На совещании Гротен сказал, что с ними заодно их командир полковник Мальцев, который всегда был красным.

Пронесся слух, что из Колпина идут рабочие, чтобы захватить Александровский дворец.

На станции Царское Село появился генерал Иванов с отрядом георгиевских кавалеров. Он отпечатал в типографии Буровковой воззвание к населению Петрограда с призывом прекратить беспорядки, представился императрице, а затем внезапно куда-то исчез со своими георгиевскими кавалерами.

Настоятель Федоровского собора отец Афанасий Беляев служил во дворе молебн.

Сотня конвоя, размещенная в Петрограде для охраны вдовствующей императрицы, перешла на сторону революции.

Офицеры Сводного полка не знают, что делать. Приказа снять пост у могилы Распутина нет и в то же время как-то неудобно его выставлять.

Великий князь Павел Александрович был у императрицы и сообщил ей об отречении царя от престола. Она не поверила, говорила, что газеты все врут, жалела, что не может связаться с императором по телефону.

Офицеры, в том числе мой отец, одели нарукавные белые повязки. На автомобиле отец поехал в городскую ратушу и там принес присягу Временному правительству. Вечером он рассказал, что какой-то присяжный поверенный Соколов написал приказ № 1. Говорят, что от этого приказа армия непременно развалится.

У дворцовой ограды я увидел убитую собаку колли. Раньше я видел, как царь гулял с этой собакой по парку. Убитая собака произвела на меня большее впечатление, чем все вместе взятые события последних дней.

К нам пришли солдаты Сводного полка и сказали, что командир полка генерал-майор Рессин отстранен от должности и скрылся. Было первое полковое солдатское собрание, на котором производились выборы командира полка. На нем солдаты командиром единогласно избрали моего отца. Но им разьяснили, что можно выбирать только офицера своего полка. Тогда был избран полковник Михаил Алексеевич Лазарев.

На главной лестнице здания трапезной живописец замазал только насколько дней назад написанные золотом слова высочайшего рескрипта, в котором бывший император после осмотра здания трапезной благодарил создателей городка за почин в русском деле.

В Царское Село из Могилева прорвались две роты Сводного полка. Героем дня был штабс-капитан Головкин. Говорили, что он проявил необычайную энергию и что если бы лица, отвечающие за движение императорских поездов, проявили себя так, как Головкин, императорский поезд не застрял бы по пути в Царское Село.

Пришло указание о назначении начальником лазарета врача. Поэтому начальником 17-го лазарета был назначен Мусин-Пушкин. В связи с этим, отец издал прощальный приказ, в котором просил не поминать его лихом.

На другой день, едва в школе начался первый урок, за мной приехал наш кучер. Он сказал, что полковника арестовали и что он велел нас поскорее привезти, чтобы проститься. У крыльца трапезной я увидел взволнованную толпу людей. Вскоре в сопровождении двух конвоиров по дорожке из Федоропского собора показался отец. Подойди ко мне, он поцеловал меня, затем сказал конвоирам: «Теперь, когда я простился с моим детищем, собором, и со своим сыном, я спокойно поеду туда, куда вы меня повезете». Его посадили на маленький «Фиат», на котором еще несколько дней тому назад ездили придворные фельдъегеря, и машина тронулась.

Арестованных свозили в Городскую ратушу, оттуда их перевели в здание мужской гимназии, а затем и бывшее царское охранное отделение. Через несколько дней заключенных перевели на офицерскую гауптвахту в Петропавловской крепости.

Отец прислал на заключения письмо. Оно было похоже на предсмертный наказ. Он писал, что я всю свою жизнь доставлял ему только радость, просил слушаться матери и помогать ей во всем, а в конце письма он заклинал меня не заниматься общественной деятельностью... Это место он трижды подчеркнул. Видимо он много думал о своей деятельности и пришел к такому заключению.

В конце апреля или начале мая, точно не помню, отца освободили из заключения. Он снял номер в Северной гостинице (сейчас она носит название Октябрьская). Поселившись в гостинице, попросил, чтобы меня привезли к нему на несколько дней. Затем я вернулся в Царское Село продолжать занятия в школе, а отец переехал в Старый Петергоф к своей сестре. Всей семьей мы переехали к тете в Старый Петергоф и поселились на одной из ее дач. Другого выхода у нас не было по причине того, что у нас не оказалось мебели и нечем было обставить квартиру в Петрограде.

Из Петергофа отец, уезжал на фронт, где недолго продолжил военную службу. Затем занимался ликвидацией дел по Федоровскому городку, выдерживал атаки кредиторов, требовавших денег, а они после революции перестали поступать.

Я ездил на велосипеде по пустынным аллеям Петергофских парков. По старой привычке вертелся среди раненых, размещенных в Английском дворце, или солдат Ямбургского драгунского полка, а позднее крутился вокруг уссурийских казаков, размещенных в каких-то землянках в петергофских казармах.

Видел папиного фельдфебеля юнкерских времен. Теперь это был высокий подтянутый генерал в брезентовом плаще. Он выступил на митинге уссурийских казаков. Это был генерал Краснов, получивший впоследствии столь печальную известность.

Смотрел на бесконечные солдатские демонстрации против Временного правительства и демонстрации юнкеров из петергофских школ прапорщиков за защиту Временного правительства.

Октябрьская революция и наша семья

Незаметно пролетело лето, а осенью грянула Октябрьская революция. Наша семья переехала в Петроград и поселилась в доме на Суворовском проспекте, принадлежавшем страховому обществу «Саламандра». Несмотря на социалистическую революцию, жизнь в этом доме текла без существенных изменений, управляющий домом взимал квартирную плату, швейцар в фуражке с галунами, как только кто-нибудь появлялся на парадной лестнице, выходил из своей

каморки и управлял лифтом. Дворник, тяжело шагая по черной лестнице, каждый день приносил в кухню огромную вязанку дров, исправно действовало нейтральное отопление.

Из окна нашей квартиры мы могли наблюдать, как каждый день с оркестром (дань старой традиции) по Суворовскому проспекту, направлялись в Смольный, маршировал очередкой караул из какого-нибудь запасного гвардейского полка.

Жизнь, как мне казалось, потекла у нас необычайно весело и оживленно. Наша новая прислуга — горничная, молодая латышка Ольга и горбатенькая кухарка Даша не переставали удивляться хлебосольству отца. Каждый день за стол садилось не менее семи-восьми незваных гостей. Так у отца было заведено в Царском Селе, такой порядок сохранился и в Петрограде.

Целый день у нас толпились люди. Мама и тетя Женя как и встарь, снова стали играть на рояле в четыре руки. Много бывших солдат отца приезжали в Петроград после дележа полковых складов и привозили нам продукты. На Ижорском и Сестрорецком заводах тоже было много его бывших солдат, теперь они заделались огородниками и снабжали нас овощами.

Приезжали с фронта офицеры, устраивались на работу на самые невероятные должности. Сын наших давних знакомых, владельцев популярной в Петрограде кондитерской Верен, семеновский офицер Коля Бремер стал ездить в извоз на своем прекрасном выезде.

Как-то к нам во двор въехали ломовые сани. Извозчик Николай Никанорович Андреев привязал во дворе лошадь, навесил ей на морду торбу с овсом и пришел к нам. За обедом он сказал, что его свояк, известный минер Петр Павлович Киткин предложил ему службу в минном отделе, но он предпочитает физическую работу.

На Самсоновской улице молодые веселые офицеры 3-го стрелкового полка открыли табачный магазин.

Заходил к нам и Николай Николаевич Арбатов. Он рассказывал, что частенько бывает на Кронверкском проспекте у А. М. Горького и будет ставить его пьесы на сцене Народного дома. От него я впервые услышал фамилию Горький.

Не стало слышно Чрезвычайной комиссии, созданной при Временном правительстве. Прекратились разговоры о мародерах-адвокатах, которых, наверное, придется нанимать, если будут судить. Не без удовольствия у нас в семье говорили о том, как новая власть выставила, чиновников Временного правительства.

Но по мере того, как обстановка накалялась, начались вызовы в ЧК. К удивлению вызываемых «визиты» кончались всего-лишь душевспасительной беседой и честным словом больше никогда не грешить против новой власти. Возвращаясь с Гороховой после беседы с Урицким, офицеры не могли придти в себя от удивления: «Какой интеллигентный человек!», «Кто бы мог подумать, что большевики такие!» Но после этих излияний некоторые офицеры собирали манатки и на всякий случай удирали к Скоропадскому или пробирались в Сибирь к Хорвату. Тут уж дело было вкуса и случая.

Еще долго с моноклем в глазу по Таврической улице разгуливал бывший гофмаршал граф Бенкендорф. А бывшему министру Двора, впавшему в детство, старцу графу Фредериксу впоследствии разрешили выехать в Швецию, в страну, откуда вышли его предки.

Отец ежедневно ходил в церковь. Иногда он ходил в церковь на 2-ю Рождественскую улицу. Она принадлежала Палестинскому обществу, и отец в свое время принимал участие в ее строительстве. Иногда он ходил в церковь Генерального штаба по соседству с нашим домом. Эта церковь была весьма примечательна. В свое время она принадлежала Суворову и была перевезена из села Кончацкого, и установлена на территории Академии Генерального штаба рядом с Суворовским музеем. Здесь ее заключили в кирпичный футляр. Кстати, эта церковь изображена на мозаичной картине на здании Суворовского музея.

Бывая в церкви, я с любопытством смотрел на церковного старосту, обходящего молящихся с тарелкой для сбора денег. Это был небольшого роста старичок в кителе без погон, но с георгиевским крестом на шее и в петлице. С тарелкой шел не кто иной, как бывший военный министр, а затем неудачный главнокомандующий нашими войсками на Дальнем Востоке, а затем командующий фронтом в первую мировую войну генерал Куропаткин. После отъезда из Петрограда, он до самой своей смерти в конце двадцатых годов учительствовал в сельской школе у себя на родине, кажется в Псковской губернии.

Впоследствии я слышал, что в дни празднования юбилея известного народовольца Ашннбрэннера, именем которого было названо одно из советских военных училищ, его поздравил бывший сослуживец по Туркестанскому стрелковому батальону сельский учитель Куропаткин.

Новая жизнь давала себя знать все больше и больше. 1 мая 1918 года на углу площади Восстания и Невского проспекта я увидел в праздничной колонне легковые и грузовые автомашины бывшего императорского гаража. Я подошел ближе. Несколько рук приветливо мне махало. Тут был слесарь Соломонов и еще несколько шоферов, которых я привык видеть рядом с высочайшими особами или высшими чинами Российской империи.

Как потом я узнал, впоследствии большинство этих машин были отправлены в Москву, а из оставшихся в Петрограде, на Конюшенной площади была создана образцовая Автоконюшенная база Петросовета. В этой базе были не только придворные автомашины, но и лошади. Еще в тридцатые годы на базе служил бывший конюшенный офицер Александр Густавович Болин, в свободное время показывавший на скачках и бегах своих питомцев.

Сравнительно недавно, перелистывая страницы какого-то толстого журнала, я наткнулся на фотографию легкового автомобиля, у которого вместо привычных колес лыжи и гусеницы, наподобие танковых. Это были автосани, на которых больного Ленина возили зимой отдыхать в Подмосковье. А я в этом «дедушке» современных автомобилей узнал некогда роскошный, только что полученный «паккард», принадлежавший одному из жертвователей на строительство Городка, процветавшему дельцу Овчарову. Помню, с каким восторгом я садился в эту роскошную, блестящую лаком синюю автомашину. Все казалось в ней необычным: и мощный' двигатель, и руль на левой стороне (в то время рули были с правой стороны), и кресло шофера, отделенное от соседнего кресла, и колеса, выкрашенные в желтый цвет.

В конце 1916 года «паккард» был реквизирован для нужд армии и передан в императорский гараж, где он был переоборудован в автосани, сконструированные механиком гаража французом Кегрессом. Автосани предназначались для Главнокомандующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича, а я с любопытством смотрел, как начальник гаража, толстяк граф Орлов с трудом втиснув свой огромный живот за рулевую колонку, крутил рулем «паккарда», пробуя автосани на заснеженном поле по соседству с Федоровским городком. Было это за

несколько дней до революции и, видимо, автосани вместо Кавказа, вместе с машинами бывшего императорского гаража попали в Москву.

После многочисленных чисток, в нашем сознании как-то не укладывается, что бывшие придворные шоферы и кучера, да и не только шоферы и кучера, но и конюшенные офицеры могли честно служить в исполкомовских и совнаркомовских автоконюшенных базах. А в первые годы революции так и было. Тогда меньше всего обращали внимание на форму, а больше всего на существо.

Было и такое. Секретарь Наркома просвещения Луначарского поэт Рюрик Ивнев ездил на паре рысаков из бывшей придворной конюшни, покрытых синей сеткой. Большинство солдат Сводного полка с первого дня революции служили в Красной Армии. А мой наставник Федор Иванович Прибытков всю гражданскую войну доблестно сражался в рядах Красной Армии. Его же брат Костя Прибытков служил в органах Тамбовского ЧК.

Придворный гараж превратился в автобазу Совнаркома. Шофер Гиль, возивший до революции высочайших особ, по словам М. Ф. Андреевой, стал любимым шофером Ленина. Гиль любил Ленина, гордился им и ценил в нем отсутствие комиссарства.

В 1918 году, пожалуй, в наихудшем положении оказались офицеры. Люди дисциплинированные, они, выполняя распоряжение, встали на учет. В связи с контрреволюционными мятежами в конце июля офицеров начали арестовывать. Вскоре Кронштадтские форты наполнились офицерами, 30 августа прозвучали выстрелы эсеров — Фанни Каплан и Конегиссера.

Наверное, большинство арестованных офицеров имели самое смутное представление о правых и левых эсерах и их разногласиях с большевиками. И все же офицеров расстреляли.

Отец встал на учет. Вернувшись домой, он сказал; «Я христианин, смерти не боюсь». Дня через два отец свез меня в Боровичи к своему приятелю, служившему в этом городе в Военно-строительном управлении. Прощаясь, он обещал при первой же возможности взять меня домой. В сентябре я получил от матери письмо, в котором она писала, что отец поехал на станцию Званка за продуктами, заболел там тифом и умер. Для меня это было огромным ударом, отца я страшно любил. Через месяц или полтора после смерти отца я вернулся домой. Узнал от матери, что отец расстрелян. Это подтверждает фотография в том же втором «Храмы и дворцы» книги «Древности Российского государства», изданной в Лондоне. Там помещена фотография Федоровского собора

и стоящих рядом Д. Н. Ломана и его сына Юрия. Фотография сопровождается надписью «Крестник Императрицы Юрий и его отец полковник Ломан, расстрелянный большевиками». (Фото привезли знакомые уже после смерти Юрия Дмитриевича).

К этому времени, мать стала работать в детской консультации, а по вечерам давала уроки музыки. Дома было холодно, центральное отопление не работало, комната кое-как обогревалась буржуйкой, на дрова шла мебель, перевезенная из Федоровского городка, электричества не было, приходилось пробавляться коптилкой. А самое главное — было очень голодно.

(В 1919 году Ольга Васильевна Ломан, жена Дмитрия Николаевича умерла от сыпного тифа — Л. К.).

Мой брат попал в детский сад на Второй Березовой аллее Каменного острова, а я — во второй интернат, помещавшийся в здании бывшего Мариинского института благородных девиц.

Я веду самостоятельную жизнь

То ли от голода, то ли по другим причинам, о них сейчас я не могу дать себе отчета, я бросил интернат и поступил добровольцем в Башкирскую кавалерийскую бригаду, стоявшую -тогда в Петрограде.

Считая себя вполне самостоятельным человеком, устроенным не хуже, чем другие, я терпеть не мог, когда меня жалели. А избежать этого было очень трудно, на каждом шагу встречались люди, знавшие отца. Я от них бегал, но ничего не помогало. Возвращаясь как-то с работы, я зашел в парикмахерскую Пьера, помещавшуюся на Литейном проспекте против Бассейной, и вдруг увидел в парикмахерской своего дореволюционного знакомого. Навстречу шел приветливо улыбающийся Есенин. Я быстро повернулся и выскочил из парикмахерской. Не знаю, о чем бы я говорил с Есениным, но когда, изменив своему правилу, я вместе со Сладкопевцевым пришел в «келью» к Ключеву, ее хозяин захохотал, запричитал, заплакал, видимо жалеючи меня, а может быть и себя, а может быть и нас обоих.

Снова на родине... В Детском Селе

После работы в различных учреждениях: в профсоюзе железнодорожников, в отделе Управления Петросовета, Петроградском Совнархозе, Северо-Западном управлении Наркомвнешторга, одинокая после смерти матери жизнь осточертела мне, захотелось родственной ласки и хотя бы

подобия семейного уюта, потянуло к ласковому, такому уютному дедушке. И вот я опять переехал на свою родину, только не в Царское, а в Детское Село, к своему дедушке - Эвальду Федору Константиновичу.

Мои первые трудовые деньги

Еще перед революцией, как-то раз, через несколько дней после возвращения от дедушки, я увидел «маскарадного пастушка» с лопатой в руках. Шла уборка двора Федоровского Городка от строительного мусора. Работали все его обитатели, в том числе легкораненые. Пример показывал отец, довольно ловко орудовавший лопатой, а я, управляя парой коней, запряженных в телегу армейского образца, отвозил мусор. Среди работавших были и Есенин, и артист музыкальной драмы Артамонов.

Перед началом работы отец обратился с призывом - независимо от чинов послужить русскому делу. Говорить он был мастер. Видимо, его речь произвела впечатление на привилегированную публику, и от работы никто не отказывался. Теперь, когда субботники стали делом обыденным, ничего удивительного в затее отца я не вижу, а в то время это было делом удивительным.

Помнится, я три дня отвозил строительный мусор, а затем в ведомости, где было проставлено «чернорабочий Ломан», я расписался в получении трех рублей за выполненную работу. Эта ведомость находится сейчас в Государственном архиве.

Снова Федоровский городок

Но вернусь к первым годам самостоятельной жизни. Надо было искать работу, а найти ее в то время было нелегко, безработица была в самом разгаре, пришлось встать на учет на бирже труда, где я в течение пары месяцев получал пособие десять рублей в месяц. Но довольно скоро мне удалось устроиться сперва временно, а потом постоянно в качестве строительного рабочего в Сельскохозяйственный институт, помещавшийся в Федоровском Городке.

После Октябрьской революции в Городке я был всего лишь один раз. Кажется, это было в июне 1918 года, через несколько дней после встречи отца с Рязановым. Отец ходил под впечатлением этой встречи и, как это часто с ним бывало, загорелся новой идеей. На этот раз его увлекла мысль превращения Федоровского Городка в музей древней утвари и икон. Вот по этому поводу он побывал в Городке, захватив при этом и меня с собой. Его посещение Городка также было вызвано необходимостью закончить ликвидацию дел по Городку (со дня на день он должен был подписать акт о передаче Городка со всем имуществом органам Советской власти). К неудовольствию отца, едва мы вошли в ворота, нам навстречу попался настоятель Федоровского Собора отец Алексей Кибардин в сопровождении дьякона Николая Недбайлика. После революции отец Алексей, от имени соборного причта, обратился к уполномоченному Временного правительства Тарановичу с жалобой на моего отца. Он писал, что тот не давал духовенству квартир в Городке, в общем, держал соборный причт в черном теле.

После этого заявления духовенству было предоставлено в Городке два дома. Отец же им этой жалобы не забывал и после нее слышать о батюшках Федоровского собора не хотел.

В Городке мы пробыли недолго. Здания Трапезной и бывшего Офицерского лазарета были заколочены. Все это расстроило отца, и, чтобы несколько рассеяться, он отправился в деревню Кузьмино к Михаилу Егоровичу Егорову, известному в нашей семье под именем Миши-извозчика.

У Михаила Егоровича мы попили чайку, он откуда-то из подвала достал заветную бутылку «Мадеры». Они ее распили с отцом, и мы отправились восвояси.

Теперь мне пришлось работать в Городке, но никаких ассоциаций, а тем более сожалений о прошлом Городок не вызывал. Я просто не думал об этом. А самое главное, мне никто о нем не напоминал. В 20-е годы власть имущие, да и не только они, радовались, когда могли вырвать человека из старого мира и приобщить к новому. О старом старались не поминать. Все это пришло значительно позднее.

В 1937 году мою жену вызвали в партбюро и стали упрекать за то, что она, дочь большевика-подпольщика, военного комиссара Гражданской войны, смешала свою пролетарскую кровь с моею голубой. Меня в то время хотели исключить из партии. В середине двадцатых годов состав рабочих и служащих был чрезвычайно пестрый. Среди них можно было встретить бывших офицеров, чиновников и торговцев, за неимением специальности вынужденных заниматься физическим трудом или несложным канцелярским. Быть рабочим считалось очень почетным, но из-за безработицы стать им было непросто. Такого стремления, как сейчас, получить, во что бы то ни стало, высшее или, на худой конец, среднее специальное образование, не было. Среди ребят, работавших со мной, был только один, мечтавший поступить в институт и готовившийся к этому. Остальные отдавали все свободное время кто - спорту, кто - художественной самодеятельности, а кто - чтению. Но зато каких интересных людей можно было встретить среди рабочих!

На машиноиспытательной станции института был слесарь Зарин. Он жил со своей бабушкой и отцом в старинном деревянном доме неподалеку от института на улице Карла Маркса. Его бабушка, известная в свое время писательница Зарина, была женщина с характером. Как-то она пришла на прием к председателю Детскосельского горсовета, а он, впопыхах, не особенно внимательно, молча выслушал ее дело, кивком головы сделав знак, что аудиенция закончена. Тогда старуха обратилась к нему со словами: «Ты что же, голубчик („ты" она говорила всем), не предложил мне сесть? Я пережила трех Императоров, все они, здороваясь со мной, вставали и предлагали сесть, а ты этого не делаешь. Нехорошо, молодой человек!»

Но сколь ни решительна была в своих действиях старуха, а на внука подействовать не могла. Он раз навсегда решил, что на всю жизнь останется слесарем, круглый год ходил в какой-то потрепанной кожаной тужурке, спал на колченогой кровати, прикрытой каким-то рваным матрасом, а на предметы комфорта смотрел не иначе, как на прах и тлен. Все свое свободное время Борис отдавал чтению.

Парень он был добрый, и на свою довольно скромную зарплату содержал не только бабушку, но и отца — писателя Зарина-Несвицкого, который никуда после революции не мог пристроить свои исторические повести и романы.

А вот другой индивидуум того времени. Через дорогу от дома, где мы жили, в детскосельском Гостином Дворе, в книжном магазине продавцом служил Николай Иванович Дурдин, до революции владевший в Петрограде большим пивоваренным заводом («Иван Дурдин и сыновья»). В прошлом он был гласным Петроградской Думы, и дедушка, знавший в Петрограде всех и вся, знал их еще с незапамятных времен. Изредка Николай Иванович заходил к нам. Этот человек не только внутренне не принял Октябрьской революции, но даже не допускал мысли, что люди его круга могут ее принять. Он как бы застыл в своем прежнем ощущении людей. Для него дедушка был по-прежнему мировым судьей, и он фыркал и плевался, что тот где-то выступал с воспоминаниями о Смоленской воскресной школе или вдруг пошел на собрание милиционеров и там стал рассказывать изумленным слушателям о своей судейской практике.

На совершенно другом полюсе стояла моя двоюродная сестра Олечка, прозванная нами в детстве «морячкой». После смерти своего отца, Георгия Николаевича Туманова, она жила на Кавказе у своего деда, когда-то грозного генерала Николая Евсеевича. А после его смерти (он ее ждал с великим нетерпением) - у своей тетки. Но, по каким-то обстоятельствам, она в один прекрасный день решила приехать в Детское Село и поселиться у дедушки.

Олечка была комсомолкой, да еще какой! Будь она постарше, наверное, в 1919 году носилась бы на лихом коне и, подобно толстовской «гадюке», рубала бы беляков. Все родственники были для нее недорезанными буржуями, существующими только по недосмотру Советской власти. Она

просто их спокойно презирала. Лишь иногда ее черные, словно маслины, глаза (армянские глаза отца) недобро поблескивали из-под козырька неизменной кепки.

Все, что в квартире напоминало прошлое, было для нее ненавистно, и довольно скоро, под предлогом соблюдения гигиены, она освободила свою комнату от фотографий родственников и различных картин.

Годом младше Олечки был мой брат Борис и его ровесник и закадычный друг - троюродный брат Саша Семенихин. Им было по три с небольшим года, когда произошла революция. Оба воспитывались в детском доме, оба стали рабочими, один - токарь, другой - слесарь (из детского дома брат был направлен воспитанником в 19 артиллерийский корпусной полк). Руки у них были золотые, и оба стали заядлыми рационализаторами. Никаких «проклятых» вопросов для них не существовало. О старом мире они и понятия не имели. А самое главное, им никто о нем не напоминал и, что не менее важно, никто не попрекал. Женился мой брат на колхознице Новгородской области, впоследствии работавшей на том же заводе, где и мой брат. У Саши жена тоже была из рабочей семьи.

Во время войны брат храбро воевал и был убит на подступах к Ленинграду. А Сашу я неожиданно, после сильной бомбежки, встретил у разрушенного пирса на Дороге жизни. Он был красноармейцем какого-то рабочего батальона. А 25 марта этого года, когда я писал свои воспоминания, я увидел его на фотографии на первой странице ЦО «Правда». Он среди передовиков предсъездовского соревнования разглядывал какие-то чертежи. А еще через пару месяцев я прочел в газете Указ о награждении Саши орденом Трудового Красного Знамени.

Прошу прощения за многократные отступления, и возвращаюсь к тому времени, когда в 1924 или 1925 году в Ратной палате был открыт клуб рабочкома ЛСХИ, как сокращенно назывался Ленинградский сельскохозяйственный институт.

Заведовал этим клубом по совместительству заведующий материальными складами института, бывший фельдфебель Сводного полка Иван Степанович Шпехт. Педант до мозга костей и, в то же время, неутомимый работник, Иван Степанович сумел создать идеальный порядок как на складах, так и в клубе. Но интересовался он больше киноустановкой, дававшей доходы. А я, используя старые связи с артистическим миром, стал устраивать в Ратной палате концерты с участием известных артистов. Выступали они бесплатно. Весь сбор от концертов я употреблял на ремонт бывшего придворного грузовика «Берлин», найденного на задворках гаража. Отремонтировать его мы решили сами, а вот запасные части приходилось покупать.

Как только он был восстановлен, образовался кружок «Автодора» под моим председательством, и мы организовали занятия по изучению автодела.

В 1930 году безработица закончилась. Я поступил на работу в Ленинграде и обосновался у Нарвских ворот.

В 1934 году умер мой дедушка Федор Константинович Эвальд и у меня как-то ослабли связи с городом Пушкин.

Тевтоны в Федоровском городке

12 сентября 1941 года наша ополченческая Выборгская дивизия заняла оборону на Пулковских высотах. Установив свой пулемет в отведенном ему месте, я стал смотреть на облака, плывущие в

сторону Ленинграда. Там вырисовывались знакомые с детства очертания эллинга, купол Исаакиевского собора, там был Кировский район, в котором я жил и работал. Там я оставил своих друзей, там жила моя жена, не пожелавшая эвакуироваться, она корнями вросла в этот район. Ее отец большевик-подпольщик Забелин организовал за Нарвской заставой Союз транспортных рабочих. Оттуда, из-за Нарвской заставы, назначенный комиссаром стрелкового полка, он ушел воевать с Юденичем и был убит неподалеку от того места, где я теперь воевал.

А впереди наших окопов виднелись не менее знакомые очертания Федоровского собора и шпиль Трапезной, увенчанный сияющим бронзовым Георгием Победоносцем в ореоле. Там был город, носящий теперь имя Пушкина, город, в котором я родился. Подумать только, сейчас в тихих, задумчивых, таких знакомых с детства пушкинских парках, лязгают гусеницы приземистых танков с тевтонскими крестами на броне. Точно такой же крест я видел в детстве на фюзеляже сбитого «Альбатроса», помещенного во дворе Ратной палаты.

Ситуация под Пулковым была такая, что на ум приходили все старые параллели: Полтава, Бородино. И все же в конечном исходе войны у меня как-то не было сомнений, и в долгие серые рассветы в окопе на Пулковской высоте я, пытаясь осознать непонятное происходящее, думал уже о том времени, когда после войны я разыщу этот мой окоп. Я представлял себе, сидя в сыром окопе, что после войны Пулково будет превращено в то, что французы сделали с Верденом, что будут сохранены и восстановлены укрепления, наши, и немецкие окопы, что десятки экскурсоводов будут рассказывать о том, что здесь происходило и я непременно приеду сюда, разыщу этот мой окоп и попытаюсь ответить на все мучившие меня в нем вопросы.

С одной стороны, как все это произошло, что по моей земле, по земле моих предков с громом и треском победоносно шагают чужеземцы, явно подавляя нас силой своего оружия. С другой стороны, как получилось, что немецкая армия, за два года захватившая почти всю Европу, остановилась именно у моего окопа на одной из Пулковских высот. Немцы обстреливали нас пунктуально две раза в сутки: в 2 часа дня и в 7 часов вечера. Время обстрела было единственным, когда солдат был предоставлен себе, ни вызовов, ни нарядов, ни команд, ни приказов — сиди, пока не кончится обстрел, и думай, о чем хочешь.

Именно на войне, я, сам царского офицера, чувствовал себя раскрепощенно: здесь никто не спрашивал тебя о происхождении. Выполняй честно свой долг, и ты как все.

Закрепился наш батальон в блиндаже между деревнями Верхнее и Нижнее Койрово. А за нами во второй линии обороны встали три роты третьего батальона нашей полки, несколько батальонных минометов. ПТР-овцы со своими противотанковыми ружьями, похжими на древние пиццали и вожатые с дрессированными некормленными собаками, которые, подчиняясь условному рефлексу, в поисках пищи бросались под вражеские танки. Все эти силы закрывали спуск с глиняной горки к ленинградскому аэропорту. Сила не ахти какая, но это был последний резерв на последнем рубеже перед Ленинградом.

Над нами на горе, прикрытые маскировочной сеткой, прямо на станках намертво были установлены несколько 130-мм артиллерийских орудий, снятые с легендарного крейсера революции «Аврора». Едва наступал рассвет, мы невооруженным глазом видели, как в одних тельняшках и брезентовых штанах к своим орудиям выбегали матросы и открывали огонь. А через несколько минут на эту батарею налетели вражеские самолеты. Через несколько дней герои моряки погибли вместо со своими орудиями...

Воспоминания... Воспоминания... Они жгли два месяца и жгут теперь.

Начиная с 15 сентября, мы ежедневно пытались выбить противника из Верхнего Койрово. Во время первой же атаки выбыли из строя командир роты, политрук и все командиры взводов. Пришлось старшему сержанту принять командование ротой, а мне заменить политрука.

Каждый вечер мы получали пополнение, а на рассвете атака и снова в блиндаже у Нижнего Койрово собираются остатки роты. Что-то будет сегодня?

Последняя атака Верхнего Койрово. Осенний серый рассвет в окопе так и не успел кончиться, инк нас шепотом подняли в атаку. Схватив винтовку и выпрыгнув из окопа, и бросился вперед. Мы бежали, стреляли, кричали «ура», но не добежав до немецких окопов наткнулись на такой пулеметный огонь, что тут же повернули обратно. Вслед нам ударили минометы. Меня швырнуло обземь и, когда я очнулся, слышались только одиночные выстрелы. Плохо соображай после падения плашмя и удара головой, я, спотыкаясь, во весь рост пошел к окопу, куда свалился, еще раз почувствовав боль в левом бедре. Я чувствовал только ушиб и по ощущению почему-то решил, что это мина попала в валун, осколком которого меня и ударило. Но это оказалась рана. Рана и контузия. Видимо пришла пора, и так мне долго сопутствовало счастье: из всех, с кем я 12 сентября вышел на передовую, остались в живом строю старшина, писарь и я. И это при моем 184-сантиметровом росте, часто вызывавшем нарекания солдат; «Опять нас Ломан демаскирует».

Оправившись от ранения и контузии, я получил справку, по которой освобождение от строевой службы и тяжелого физического труда. С этой справкой в кармане гимнастерки я стал солдатом-дорожником, чьим делом был тяжелый физический труд под непрерывными обстрелами и бомбежками.

В январе 1944 года немецкие войска, блокировавшие Ленинград, были разгромлены. Наш закаленный на Ладоге дорожный батальон был переброшен на Пулковские высоты. Отсюда нам предстояло двинуться на запад. Первым городом на нашем пути был Пушкин. Второй раз дороги войны приводили меня в него. Федоровский городок лежал в развалинах, лишь бронзовый Георгий Победоносец в ореоле, как ни в чем не бывало, побеждал своим копьем Змея, да подросшие вечнозеленые кедры тянулись ввысь, словно не было войны.

Во время войны, в короткие минуты затишья, писал в Газету «Фронтной дорожник» и получил в приказе благодарность за активную военкоровскую работу.

После войны мои статьи о Дороге жизни были опубликованы во многих газетах, в документальном сборнике «Пламя над Невой» и в вренно-историческом журнале.

Во время войны на Ледовой трассе при свете фонаря «летучая мышь» я развернул «Правду» и мне бросилось в глаза сообщение о смерти директора центральных курсов иностранных языков, старого члена партии Веры Рудольфовны Менжинской.

Во время туристской поездки по Волге, в Саратове, я зашел в дом-музей Чернышевского и познакомился с его хранительницей, внучкой Чернышевского Ниной Михайловной Чернышевской. Мы вспомнили наших дедов, поговорили о семейных преданиях. На прощание она подарила мне составленный ею сборник статей о Н. Г. Чернышевском, сделав на нем такую надпись: «Ломан Юрию Дмитриевичу на добрую память о посещении дома-музея Чернышевского и о совместном преподавании Н. Л. Ломана с Н. Г.

От внучки Чернышевского Н. Чернышевского.

16.9.64 г. Саратов».

Принимая подарок, я вновь подумал о том, что следует записать то, что я помню.

Послереволюционная судьба строителей, гостей Федоровского городка и моей семьи

Сочинения Плеханова помогли мне сформировать материалистическое понимание истории и роль личности в истории.

Я понял, что природа распределяет свои гены и хромосомы человеку, не сортируя их на положительные для трудящихся, отрицательные для эксплуататоров. Она отпускает их оптом, предоставляя самим заниматься их фильтрацией. А этот процесс зависит от многих обстоятельств. Примеров тому множество: Софья Перовская и ее родственники; солист Его Величества Николай Фигнер и его сестра, революционерка Вера Фигнер; большевик В. Д. Бонч-Бруевич и его брат генерал-лейтенант царской армии; волостной толмач (переводчик) и его сын Л. Г. Корнилов — вождь белого движения; генерал-адъютант, любимец Александра III Зарубаев и его сын — полковник советской армии В. А. Зарубаев, в годы гражданской войны — начальник штаба 7-й армии, а во время Отечественной войны — преподаватель курсов усовершенствования

командного состава Ленинградского фронта; монархист, преподаватель Пажеского корпуса Р. А. Менжинский и его дети-революционеры: Вера, Людмила и Вячеслав Менжинские и т. д.

Над многими современными историками, литературоведами и биографами довлеет до сих пор привычная схема оценки людей по их происхождению, мешая видеть явления в истинном свете.

Завсегдатай Федоровского городка Н. Н. Арбатов поддерживал довольно тесные взаимоотношения с Максимом Горьким. В Городке в его постановке исполнялась сцена «В тереме боярышни XVII века». По его эскизам изготовлялась мебель в мастерских городка. После революции он ставил льесы Горького на сцене Петроградского Народного Дома, а когда, по инициативе Алексея Максимовича Горького, был создан Большой драматический театр, был приглашен туда режиссером.

В. В. Сладкопевцев вплоть до своего тяжелого заболевания - профессор Ленинградского института сценических искусств. Заслуженный деятель искусств, исполнитель роли крестьянина в кинофильме «Чапаев». Создал свою теорию сценического искусства.

Гусляр Н. Н. Голосов, участник первого концерта Есенина в Тенишевском училище в 1915 г., после революции создатель крупных музыкальных ансамблей, выступавших на площадях Петрограда в дни революционных празднеств.

Завсегдатай Федоровского городка виртуоз-баянист Федя Рамш после революции, в 20-х годах долго жил у Горького на острове Капри.

Н. Н. Ходотов, артист Александрийского театра, создал театральную студию, носившую его имя.

Балерина А. Я. Ваганова воспитала блестящую плеяду балерин. Ее имя присвоено старейшему в стране Ленинградскому хореографическому училищу.

В. В. Андреев и его ученики создали хоры балалаечников почти во всех гвардейских полках. Он руководители первого оркестра русских народных инструментов. Имя его и сейчас носит оркестр.

О судьбах известных деятелей — архитекторов: В. Покровского, А. Померанцева, А. Щусева; художников: Н. К. Рериха, М. В. Нестерова, братьев Васнецовых и др. известно. Сложнее было с многими «бывшими». Случилось, что попавшего под горячую руку прапорщика ни за что, ни про что расстреливали, а бывший царский министр, отделившись испугом, становился советским служащим. Бывшего военного министра Поливанова, служившего в Красной Армии, хоронили с воинскими почестями и духовенством. Бывшего министра двора графа Фредерикса с миром отпустили в Швецию, откуда вышли его предки.

Случалось, что «бывших» от необоснованных расстрелов спасали влиятельные родственники и знакомые. Кое у кого они были. Стало известно, что знаменитая Коллонтай - дочь генерала Домантовича. Сестры Стасовой были замужем за гвардейскими офицерами, а на квартире ее отца, присяжного поверенного, в 1917 году несколько дней проживал В. Ленин, скрываясь от Временного правительства.

Протежировавший во время войны В. Маяковскому полковник Крит был женат на сестре М. Ф. Андреевой. Брат банкира Менжинского стал наркомом финансов, а затем пречесателем ВЧК - ОГПУ. Это всего лишь несколько примеров. Эти «бывшие» остались живы.

О судьбе отца, матери и деда по материнской линии Федора Константиновича я уже писал.

Сестра деда Елена Константиновна Эвальд (жена архитектора Красовского) была педагогом, имела звание Героя труда. Умерла от голода в блокаду.

Мужа тетки (сестры матери) князя Туманова Г. Н., генерал-майора, помощника военного министра убили матросы.

Младший брат Борис, воспитанник детского дома, рабочий, погиб на фронте, под Ленинградом.

Старшая сестра Надя, находившаяся перед революцией в Гельсингфорсе (Хельсинки), считалась пропавшей. О том, что она жива и находится под Парижем, замужем (Надин Копейкин) 35 О судьбе сестры Юрий Дмитриевич ничего не знал. Но неожиданно, в 1965 году, Надежда передала фотографию родственникам писателя А.Н. Толстого со своим адресом близ Парижа, едва надеясь на то, что кто-нибудь из родных жив. Юрий Дмитриевич не написал сестре. Видимо, страх еще был велик.

Послесловие

Несмотря на отцовский «наказ», общественная деятельность влекла меня, словно магнитом. И надо сказать, что на этом пути мне препон почти не ставили. Правда, когда ребята, году в 1928, на собрании в Ратной палате выдвинули мою кандидатуру в Детскосельский горсовет, было сказано, что мне неудобно быть депутатом в Детском Селе, причем, сказано это было в очень деликатной форме. И я был с этим согласен и ругал ребят, выдвинувших мою кандидатуру, даже не спросив моего согласия. Эти ребята недавно приехали из деревень и тонкостей политического «политеса» не знали. Они просто хорошо ко мне относились, а когда я им растолковал суть да дело, они очень сожалели, что невольно доставили мне неприятные минуты.

Прежде чем закончить свои воспоминания, я должен, с высоты теперешнего моего мировоззрения, хотя это и звучит несколько высокопарно, бросить взгляд на свое дореволюционное прошлое и на события, которые мне довелось видеть в то далекое уже теперь время.

История всегда была моим «хобби». Но, в зависимости от возраста и «багажа», я на одни и те же исторические события смотрел по-разному. Сперва я зачитывался книгами из обширной дедушкиной библиотеки. Особенно «Историческим вестником». Любил читать о французской революции, испытывая при этом двойственное чувство: с одной стороны, мои симпатии были на стороне деятелей революции, с другой — мне было жаль Людовика XVI, такого простого, совсем не похожего на своего предшественника Людовика XV и, конечно, не имеющего ничего общего, если не считать устойчивых черт фамильной бурбонской наружности, со знаменитым королем-Солнцем, Людовиком XIV. При дворе Людовика XVI не стало фаворитов, не стало и прежнего блеска.

Как все это похоже на Двор Николая II. Сам Царь - скромный человек, хороший семьянин, дети его любят гораздо больше, чем свою мать, которую они не столько любят, сколько боятся.

Но почему же революции произошли именно при этих Государях? Почему именно по их приказам лилась народная кровь, а не по приказу их предшественников, которые субъективно, по своим человеческим качествам, видимо, были гораздо хуже их? Тут мои мысли начинали путаться, и на память приходили люди, виденные мною в детстве, - хорошие и плохие, добрые и злые. Причем, бывало и так, что люди плохие и злые (по своим человеческим качествам) совершали поступки

нужные, прогрессивные, а люди хорошие и добрые оказывались по ту сторону баррикад и совершали поступки реакционные и злые.

И вот не кто иной, как Плеханов, ответил на мучившие меня вопросы. Не помню, в какой работе он говорит, что Алексея Михайловича Романова недаром звали «Тишайшим», видимо, этот Царь таким и был, да и здоровье у него было не ахти какое: ногами страдал второй Романов. И вот при этом тишайшем Царе классовая борьба в допетровской Руси достигла своего апогея: восстание Степана Разина, Соляной бунт и еще великое множество различных народных волнений. Значит, дело не только и не столько в доброте или других человеческих качествах того или иного государственного деятеля, сколько в том, какие цели он преследует в своей политике - прогрессивные или реакционные. Я стал зачитываться Плехановым с таким увлечением, с каким, видимо, мой отец увлекался трудами философа Владимира Соловьева и Достоевского.

Запоем, от корки до корки я прочитал собрание сочинений Г. В. Плеханова, изданное по указанию В. И. Ленина в 1921 году. Эти книги, напечатанные на плохой газетной бумаге в самое тяжелое для страны время, открыли мне совершенно новый мир. Они помогли мне сформировать материалистическое понимание истории. Я понял, какую роль играет личность в истории, а главное - меня захватило умение Плеханова противопоставить научный метод исторического материализма субъективизму и произволу в истории.

Оценивая человека, я понимал, что природа, распределяя свои гены и хромосомы, не сортирует их: положительные - отдельно для трудящихся, отрицательные - для эксплуататоров. Она отпускает душевные качества оптом, предоставляя самим заниматься их фильтрацией, а вот этот процесс зависит от многих обстоятельств.

Теперь мне было не страшно смотреть на прошлое. И в то же время я не умилялся им сверх меры. Плеханов научил меня смотреть на прошлое объективно, трезво, без лишних эмоций, делая надлежащие выводы для настоящего и будущего.

К людям, виденным мною в детстве, очень применимы слова поэта С. М. Городецкого: «Мы очень любили деревню, но „на тот свет" тоже поглядывали». От себя добавлю - деревню любили, но деревню выдуманную, стилизованную. Настоящего крестьянина знали очень плохо. А после погрома помещичьих усадеб в 1905 году стали бояться. А солдаты были теми же крестьянами, только одетыми в военные мундиры. Они не задавали каверзных вопросов насчет «землицы», ели глазами начальство, лихо гаркали «так точно», «никак нет» и «рад стараться».

Среди них в Федоровском соборе, изменив придворной церкви Екатерининского дворца, молился Царь с Царицей, поглядывая все больше и больше «на тот свет», только оттуда могло прийти спасение, «на этом свете» его уже не было.

К этому времени Императорский двор оторвался от своей естественной опоры - аристократии - и словно повис в пространстве, не имея ни от кого поддержки.

Я помню невольно подслушанный разговор взрослых. Нилов (адмирал, состоящий при Царе) опять говорил: «Висеть нам всем на фо нарях. Вся разница в том, кто на каком фонаре будет висеть».

Нилова я часто видел разъезжающим в коляске с матросом на козлах или разгуливающим у эллинга в Екатерининском парке. Почем Нилов должен висеть на фонаре и кто с ним будет висеть, раздумывал я, инстинктивно не решаясь спросить об этом у взрослых.

Монархия, пройдя все фазы своего исторического развития, умирала, точно так же, как умирает неизлечимо больной человек, которому медицина бессильна помочь. Бывает и так, что отчаявшийся больной просит помощи не у медиков, а у знахарей, или обращает свой взор на небо, ожидая чуда.

Русскую монархию могло спасти только чудо, а на этом свете - разве что какой-нибудь гений смог бы продлить агонию отжившего строя. Но в момент агонии гении, как правило, появляются не для спасения умирающего, а для ускорения его гибели. В такой ситуации нужна была экстренная помощь «того света», а для этого нужна была надежная связь с ним, понадобились специалисты этого дела. А их не было. Правда, между Богом и людьми было множество дипломированных посредников - священников. Но они погрязли в рутине, и максимум, что могли сделать, - это создать молитвенное настроение у людей. Был один иерей - отец Иоанн Кронштадтский. Говорили, что он годился на большее. Но, к этому времени он умер, успев незадолго до своей смерти благословить меня и подарить свою фотографию с дарственной надписью.

Нужны были люди динамичные, не догматики. Поэтому, если они в силу малограмотности или, будучи специалистами в другой области, не знали догм православной церкви, это было только к лучшему. По крайней мере, при переговорах с «тем светом» у них были развязаны руки. Так при Дворе появился месть Филипп, потом доктор Бадмаев, а затем наша отечественная разновидность великого авантюриста Калиостро, Григорий Ефимович Распутин.

Гибнущий французский королевский Двор искал спасения от революции с помощью Калиостро. А Российский Императорский Двор при аналогичных обстоятельствах - при помощи Распутина, соединившего в себе черты юродивого и традиционного русского старца. Григорий Ефимович сумел нащупать ахиллесову пяту Царской четы: «Меня не будет, и вас не станет». Эти слова «старца» служили как бы талисманом: пока он при Царской семье, ей ничего не угрожает.

Но наряду с «тем светом», к их сожалению, существовал приносящий столько беспокойства «этот свет», его нельзя было быстро сбросить со счета, и он вечно, самым неделикатным образом, напоминал о своем существовании. И, как не раз поступали уходящие с исторической арены правительства, ища выхода из политического тупика, в противовес революционным лозунгам, мобилизуется искусство, бросается спасительный клич: «Назад - в домонгольскую Русь!». Вот на гребне этих настроений и возникло Общество возрождения художественной Руси. Общество объединило в своих рядах людей, преследующих самые различные политические цели, но, в большинстве своем (я говорю об активных его членах), объединенных подлинной тревогой о судьбе бесценных сокровищ русской культуры, погибающих от невнимания общества к прошлому своего народа.

В тяжелую для Родины годину большинство людей, принимавших участие в создании Федоровского городка или выступавших там с концертами, не только не покинули свою Родину, но постепенно «вписались» в новую жизнь.

Тот же Городецкий в своих воспоминаниях пишет: «Иконы Нестерова и Васнецова, картины Билибина и вообще все живописное искусство этого периода было окрашено своеобразной мистикой и стремлением к стилизации».

Мне кажется, что это определение Городецкого можно перенести и на творчество поэтов Клюева и Есенина, архитекторов Щусева и Покровского. И, конечно, на мировоззрение большинства людей, причастных к строительству Федоровского Городка. И все же о них можно сказать, что, при всех своих недостатках, они были истинно русскими людьми, а не квасными патриотами. На мой взгляд, «Второе Русское Возрождение» началось в то время, когда многие власть имущие, да и не только они, - художники, архитекторы, литераторы уходили в выдуманную, ими стилизованную, сусальную допетровскую и даже домонгольскую Русь, спасаясь сознательно или несознательно от закономерностей развития общества и грядущей революции, и нечаянно открывали невиданный мир самобытной Руси с ее шедеврами искусства. Вместо рациональности такого спасения появлялась поэзия.

Вот почему в стенах Федоровского Городка мне довелось увидеть разных по своему мировоззрению и политическим склонностям художников, архитекторов, музыкантов, поэтов, артистов, таких как Нестеров, Нарбут, Рерих, Щусев, Покровский, Андреев, Ипполитов-Иванов, Есенин, Сладкопевцев, Билибин, Арбатов, Клюев, Васнецов. Оговариваюсь, что я рассуждаю здесь не как специалист в области истории, живописи или литературы, а как человек, которого, хотя и в детстве, жизнь столкнула с деятельностью Общества возрождения художественной Руси.

Еще раз хочу подчеркнуть мысль о том, что люди, обращаясь к той же допетровской, домонгольской Руси, «заболевали» ею, и это спасало их от эмиграции. Дня каждого из них просто не было такой внутренней возможности - покинуть Россию.

Они становились до того русскими, что даже несогласие с политикой правительства не могло толкнуть их в эмиграцию. Лучше смерть на родине, чем жалкая жизнь в эмиграции.

Это они выработали Устав Общества, гласивший:

Общество преемственного возрождения художественно-бытовой Руси имеет целью широкое ознакомление с самобытным древним русским творчеством во всех его проявлениях и дальнейшее его преемственное развитие и применение в современных условиях.

Для достижения указанных целей Общество имеет в виду:

а) собирать и обрабатывать сведения о художественных памятниках русской старины, понимая под сим последним

произведения зодчества, ваяния, живописи и иного искусства, а также акты и рукописи и всеми мерами заботиться об

охране от возможных посягательств и естественного разрушения;

б) содействовать существующим музеям и библиотекам, поскольку это соответствует целям и задачам Общества и

учреждать по мере возможности новые собрания древних, образцов русского народного творчества;

в) распространять сведения о художественной стороне быта древней Руси и возбуждать к ней общественное внимание путем устройства чтений и бесед, а равно путем временного и книжного издательства;

г) облегчить для желающих знакомство с художественными памятниками старины через устройство общественных

поездок в примечательные места и оборудовать на самих местах удобные места для останавливающихся;

д) заботиться об очищении русской разговорной речи и книжного языка от иностранных слов и выражений

Чем плох Устав? Хоть сейчас применяй его.

Этот документ говорит о попытке поставить крест на двухсотлетнем процессе развития отечественной литературы, процессе, в котором доминировали идеи освободительной борьбы. Поставить крест в тот момент, когда отечественная литература подошла к своему Рубикону, за которым была революция.

Все это так, но «ничего нельзя ни очернить, ни позолотить оптом». Что же касается Высочайшего покровителя Общества - Царя Николая II, то он не сумел использовать деятельность Общества в интересах монархии. Он палец о палец не ударил для активизации его деятельности, ибо политической выгоды от деятельности Общества не разумел. Не был он государственным человеком даже самого крошечного масштаба. Историк Вдовин В.А. в статье «Сергей Есенин на военной службе» («Научные доклады высшей школы - филологические науки», 1964 г, № 1) пишет: «Ни в переписке Александры Федоровны, ни в ее дневниках, ни в дневниках Великих Княжон нам не удалось обнаружить никаких отзывов о поэзии Есенина, и даже упоминания его имени.

Представление Есенина Царице и выдача ему подарков так же, как и покровительство полковника Ломана, имело своей целью создать видимость у поэта, что его ценят, и ему надо быть благодарным. Это была попытка подчинить поэтический голос Есенина интересам Царской фамилии. Сделать это было тем более желательно, что Есенин тогда становился известностью».

Конечно, для Царского режима было бы весьма полезным поставить поэтический талант Есенина, да и не только Есенина, себе на службу. Но для этого надо было понимать, надо было быть государственными людьми хотя бы небольшого калибра, надо было чувствовать ход истории и наступивший политический момент.

Читая рассуждения Вдовина, я, по какой-то ассоциации, вспомнил разговор Саввы Морозова с Максимом Горьким, как его воспроизводит писатель: «Царь - болван,- грубо и брезгливо говорил он (Морозов), — он позабыл, что люди, которых с его согласия расстреливали сегодня, полтора года тому назад стояли на коленях перед дворцом и пели „Боже, Царя храни!“ - «Не те люди». Он упрямо тряхнул головой: «Те же самые, русские люди. Стоило ему сегодня выйти на балкон и сказать толпе несколько ласковых слов, дать ей два-три обещания - исполнять их не обязательно, и эти люди снова пропели бы ему „Боже, Царя храни!“ и даже могли бы разбить куриную башку этого попа об Александровскую колонну. Это затащило бы агонию монархии на некоторое время».

Умный, с практической сметкой, Савва Морозов «смотрел в корень». Будь он на месте Вдовина, наверняка не стал бы утруждать себя изучением дневников Высочайших особ на предмет установления впечатления, произведенного Есениным на их владельцев, ибо он наперед знал бы, что никакого впечатления не будет и что никому не придет в голову создавать видимость у поэта, что его ценят при Дворе.

Телеграмма Николая II Ширинскому-Шихматову: «Сердечно приветствую добрый почин учредителей Общества, желаю быть осведомленным о всех его трудах и успехах», - не больше, чем телеграмма вежливости.

Для того, чтобы выйти на балкон и говорить с толпой или попытаться поставить себе на службу поэта, нужно иметь хорошую голову, а ее как раз и не хватало последнему венценосцу.

Иногда небольшой штрих делает картину законченной. Таким штрихом, как мне кажется, является рассказ Виталия Марковича Шульгина в замечательном хроникальном кинофильме «Перед судом истории». Через несколько минут после того, как Царь подписал акт отречения от престола, Шульгин обратился к экс-Императору со словами: «Эх, Ваше Величество! Если бы раньше!» - «Думаете, обошлось бы?» — в этих словах - весь Николай Второй, по меткому определению того же Виталия Марковича, рожденный на ступенях трона, но не для трона.

В детстве мне удалось увидеть монархию при последнем ее издыхании. Война ускорила ее смерть.

25.04.67 г. Ломан Ю. Д.

Источник:

Ломан Д.Ю. Воспоминания крестника императрицы. Автобиографические записки / сост. А.К. Крылов. СПб, 2010, 302 с.

Приложение

ЕСЕНИН НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

Жизнь в Фёдоровском городке была разделена на два периода: до 1914 г. — мирное строительство и разработка планов, с 1914 по февраль 1917 г. — жизнь, потревоженная войной, когда в Городок вошёл госпиталь, а затем революция.

В одном из домов, окрашенном в жёлтый цвет, разместился лазарет, получивший № 17 и названный именем великих княжон Марии и Анастасии.

Лазарет содержал петроградский богач Степан Петрович Елисеев, а затем сахарозаводчик Карл Иосифович Ярошинский. На питание расходовалось денег намного больше, чем в лазаретах Красного креста.

Между тем, в архиве «Общества для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Академии наук» имеется интересное письмо, относящееся к тому времени, когда Сергей Есенин числился санитаром.

«...Получив старые казённые сапоги, хожу по мокроте в дырявых. Часто вынужден из-за немоготной пищи голодать и ходить оборванным, а от начальства приказ — ходи чище и имей сменную рубашку в церковь. Хоть где хошь бери. А рубашку и шаровары одни без сапог справиться рублей пятьдесят стоит, да сапоги почти столько же».

Я не знаю, что поэт называет «немоготной пищей». В редкие посещения Городка он обедал вместе с отцом, а насколько я помню, еда была отменная.

По соседству с комнатой, в которой Есенин иногда ночевал, размещалась сапожная мастерская. Почти все солдаты Городка щеголяли в перешитых по ноге казённых сапогах.

Отца познакомил с Есениным Клюев зимой 1916 г. вскоре после Крещения.

Я помню концерт в большой угловой палате солдатского лазарета, в котором участвовал С. Есенин. После концерта отец устроил для артистов ужин. За столом — Ходотов, де-Лазари, Сладкопевцев, Морфесси, Голосов, Рамша, Устругова и Есенин. По просьбе отца Есенин несколько раз прочёл «Русь», а затем стихотворение-шутку «Вещий сон».

Закончено строительство «Дома мастеровых». Филёнчатая жёлтая дверь, украшенная переплётom в русском стиле, ведёт в небольшую продолговатую комнату. Квадратный коричневый стол с русским старинным орнаментом, такие же стулья и на них подушки из русской цветастой набойки. Четыре койки под грубыми солдатскими одеялами. В комнате два окна. Из одного видна «сторожевая башня». Над изголовьем койки, что придвинута к окну, дощечка, на ней рукой поэта тщательно выведено мелом: «Рядовой Сергей Есенин». А ниже на перекладине — полотенце, расшитое петухами. В комнате ещё три такие же койки. Их занимают мои друзья братья Прибытковы и писарь Кукушкин. Есенин ночует в комнате только в дни концертов или когда чем-то занят с отцом. Кукушкин тоже редко ночует здесь, т. к. у него семья в Петрограде. В том же доме, только с отдельным входом, занимал двухкомнатную квартиру шофёр служебной машины отца старший унтер-офицер Георгий Павлович Костюк, недавно женившийся на очень хорошенькой и трудолюбивой лазаретной портнихе Вариньке.

На новоселье у него был отец с целой компанией, в которую входил художник Нарбут, артист Сладкопевцев — оба в форме военных чиновников, С. Есенин в солдатской форме.

Великолепный чтец-импровизатор Владимир Владимирович Сладкопевцев изобразил в лицах монастырь, где игуменом — Клюев, а послушником — Есенин. Затем рассказал сказку о том, как ожила васнецовская птица Гамаюн, в роскошном хвосте которой золотое перо — Клюев, серебряное — Есенин и медные пёрышки — мы, сидящие за столом.

Я довольно часто видел Есенина в течение года с февраля 1916 по февраль 1917, но к какому времени года относятся те, или иные встречи, за исключением нескольких, не помню.

В 1916 г. был высочайший смотр санитарной колонны перед отправкой её на фронт после длительного ремонта в Царском Селе.

В строю санитаров и Сергей Есенин.

21 июля 1916 г. в день тезоименитства вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и великой княжны Марии Николаевны в офицерском лазарете был концерт, на котором присутствовала императрица Александра Фёдоровна и великие княжны. Вели концерт Есенин и Сладкопевцев. Есенин читал специальное приветствие и стихотворение, посвящённое «хозяйкам» лазарета «В багряном зареве закат кипуч и пенен». По окончании концерта отец представил императрице и великим княжнам Есенина, Сладкопевцева, Н. С. Артамонова и режиссёра Арбатова. Императрице были преподнесены сборник стихов Есенина «Радуница» и сборник рассказов Сладкопевцева, переплетённых в чёрно-белую набойку.

Затем, после хлопот отца, артисты получили подарки: Есенин — золотые часы с гербом и золотой цепочкой, Сладкопевцев — золотой кулон, Артамонов или Арбатов — золотую брошь.

6 января 1917 г. в Крещение в Фёдоровском соборе была необычайно торжественная служба с крестным ходом на пруд и водосвятием. Солдаты Сводного полка занимают левую сторону собора. Есенин — в солдатской форме с погонами рядового с инициалами А. Ф., ниже буквы ЦВСП и № 143. Это обозначение Царкосельского военно-санитарного поезда № 143 имени государыни императрицы Александры Фёдоровны. Он стоял на хорах и рассматривал собор.

Глядя на Есенина, я вспомнил, как несколько дней тому назад он, В. В. Сладкопевцев и еще десятка полтора санитаров, преимущественно из бывших народных учителей, принимали присягу. Принимали её те, кто не присягал в других частях, а был направлен прямо на службу в санитарный поезд, лазарет или санитарную колонну.

12 февраля 1917 г. мы переехали в квартиру в здании трапезной Фёдоровского городка.

16 или 17 февраля у отца были художники Кирсанов, журналист художник Николай Иванович Кравченко. Они готовились к показу трапезной членам Общества возрождения художественной Руси, заседание которого намечалось на 19 февраля. Отец предполагал издать сборник стихов Клюева и Есенина в оформлении Георгия Ивановича Нарбута. Это подтверждается своеобразным письмом — трактатом «Бисер малый от уст мужицких». В этом письме Н. Клюев, в частности, писал: «На желание же Ваше издать книгу наших стихов, в которых были бы отражены близкие Вам настроения, запечатлены любимые Вами Фёдоровский собор, лик царя и аромат Храмины государевой — я отвечу словами древней рукописи: «Мужие книжны, писцы, золотари заповедь и честь с духовными приемлют от царей и архиереев и да посаждаются на седалищах и на вечерях близ святителей с честными людьми». Так смотрела древняя церковь и власть на своих художников. В такой атмосфере складывалось как само искусство, так и отношение к нему. Дайте нам эту атмосферу и Вы узрите чудо. Пока же мы дышим воздухом задворок, то разумеется, задворки и рисуем. Нельзя изображать то, о чём не имеешь никакого представления. Говорить же о чем-либо вслепую мы считаем великим грехом, ибо знаем, что ничего из этого, окромя лжи и безобразия не выйдет».

Могилёв понадобился, чтобы Есенин мог увидеть царя, так сказать, в походной обстановке, в окружении небольшой свиты.

Плохое настроение отца в день подписания документов Есенину (23 февраля 1917 г.) могло быть вызвано тем, что Есенин покидал городок и мог стать придворным поэтом, т. к. им заинтересовались в высоких сферах, а в этом случае его деятельность в Обществе возрождения художественной Руси прекратится, и на выпуске сборника стихов Клюева и Есенина придётся поставить крест.

За время службы в Городке Есенин написал стихов не меньше, чем в другие периоды своей творческой деятельности, когда он занимался только писанием стихов.

Когда говорят о Щусеве, авторе проекта Мавзолея Ленина, никто не ищет смягчающих обстоятельств его вступления в Общество возрождения художественной Руси. Художников Нестерова, Васнецовых, композиторов Ипполитова-Иванова и Андреева, в то время близких к Фёдоровскому городку, берут, так сказать, со всеми потрохами. А вот от Есенина обязательно хотят крайностей: то чтобы он хотя за пять дней до революции, да проявил признаки революционности, угодив в дисциплинарный батальон, то изображают его участником монархического заговора уже после Октября 1917 года.

Стилизованными простонародными празднествами Вдовин высокомерно называет концерты, в которых наряду с Есениным выступали балалаечники, гуслиры, скоморохи, т. е. делалась попытка показать возрождающееся русское национальное искусство. Делалось это не без участия Общества поощрения игры на народных инструментах и хорового пения. Назову имена некоторых участников «простонародных празднеств».

Балерина А. Я. Ваганова в советское время воспитала блестящую плеяду балерин. Её имя присвоено старейшему в стране Ленинградскому хореографическому училищу.

Режиссёр и художник Н. Н. Арбатов. В его постановке исполнялась сцена «В тереме боярышни XVII века». По его же эскизам изготовлялась мебель в мастерских Фёдоровского городка. После революции, по просьбе Горького, ставил пьесы Алексея Максимовича на сцене Петроградского государственного Народного Дома, а когда, по инициативе Алексея Максимовича, был создан Большой Драматический театр, был приглашён туда режиссёром.

В. В. Сладкопевцев, вплоть до своего тяжелого заболевания — профессор Ленинградского института сценических искусств, заслуженный деятель искусств, исполнитель роли крестьянина в кинофильме «Чапаев». Создал свою теорию сценического искусства. К сожалению, она до сих пор не опубликована.

Служивший санитаром певец Артамонов в 1916 году исполнил партию Ленского в опере «Евгений Онегин», поставленной на сцене Петроградского театра Музыкальной драмы.

Гуслир Н. Н. Голосов, участник первого концерта Есенина в 1915 году в Тенишевском училище. После революции — создатель крупных музыкальных ансамблей, выступавших на площадях Петрограда в дни революционных празднеств.

Завсегдатай Фёдоровского городка виртуоз-баянист Федя Рамш, после революции в 20-х годах долго жил у Горького на острове Капри.

Н. Н. Ходотов, артист Александрийского театра, создал театральную студию, носившую его имя, и до, и после революции поддерживал знакомство с Есениным.

Артист Александрийского театра И. К. Де-Лазари был не только драматическим актером, но и виртуозом-гитаристом.

Повторяю, я не историк, не литературовед. Правда, в «Отчем слове» меня произвели в этот ранг. Мне незнакомы архивные материалы, и всё же я рискну порассуждать о делах Фёдоровского городка и понятии «приближен ко Двору».

Я знал кучера придворной конюшни Марина. До революции он возил Вырубову, после Октябрьской революции возил на тех же лошадях одного из заместителей председателя Петрогубисполкома. Однако, я думаю, что до революции он не был приближенным ко Двору, а после революции не был приближенным к Петрогубисполкому. Вот ещё несколько примеров. Н. В. Плевицкая довольно часто выступала в Царском Селе. Её пение нравилось царю, в его дневнике возможны отзывы о певице, но её нельзя считать приближенной ко Двору. Еще в большей степени это можно сказать о Шаляпине. Хотя он был солистом императорского Мариинского театра, в этом театре он пел в присутствии императорской семьи, один раз пел даже коленопреклоненный, за ним числится и такой грех. Пел он и в великокняжеских дворцах, и всё же Шаляпин не был приближенным. Можно привести ещё более убедительный пример того же порядка. В. В. Андреев и его ученики создали хоры балалаечников почти во всех гвардейских полках, Андреев был знаком с гвардейскими генералами, великими князьями, им интересовался Николай II, и всё же ни Плевицкая, ни Шаляпин, ни Андреев не были приближенными ко Двору. Не было попыток и приблизить Есенина ко Двору, да это было бы и бесполезно, Двор Николая II не нуждался в своем Жуковском.

Кстати, уместно заметить, что Сладкопевцева, Нарбута, Шарлеманя, Артамонова никто не собирався приближать ко Двору, и никто такой видимости в их глазах не пытался создавать, тем не менее, они пользовались льготами не меньшими, чем Есенин.

Повторяю, никто не пытался приблизить Есенина ко Двору. Он был нужен только моему отцу. Почти всё, что делал отец, он делал на свой страх и риск по принципу «победителя не судят». Делал увлечённо, широко и с размахом. Будучи молодым офицером, он принимает деятельное участие в работе Военно-педагогического музея, затем не менее активно участвует в деятельности Русского Палестинского общества, а затем ему приходит в голову мысль построить Фёдоровский собор, затем Фёдоровский городок, назначение которого ему вначале было неясно, но в процессе строительства появилась идея превращения Городка в место работы Общества Возрождения художественной Руси. Это Общество тоже было создано энергией моего отца. Это он в качестве вице-председателя подыскал своего родственника князя Ширинского-Шихматова. Началась война, и он с не меньшей энергией организует два лазарета, военно-санитарный поезд и военно-санитарную колонну. Эти учреждения, как справедливо пишет Юшин, дали ему возможность наилучшим образом распределять силы Общества возрождения художественной Руси. Появилась возможность в Фёдоровском городке устраивать концерты для раненых, пропагандирующие русское народное искусство. Кроме раненых на этих концертах бывали члены Общества Возрождения художественной Руси. Для этих концертов нужно было найти соответствующий творческий ансамбль, и он был найден в Обществе «Страда». Прочитайте текст пригласительного билета этого Общества, и вы увидите, из кого состоял этот творческий ансамбль. «Совет литературно-художественного Общества «Страда» приглашает Вас на закрытый вечер, посвящённый произведениям народных поэтов Н. А. Клюева и С. А. Есенина, имеющий быть в четверг 10 декабря 1915 года в 8 часов вечера в помещении общества «Страда», Серпуховская, 10 (зал товарищества гражданских инженеров).

Программа вечера:

1. Слово «Страды» о народных поэтах Н.А. Клюеве и С.А. Есенине прочтёт И.И. Ясинский.
2. Н.А. Клюев.
3. С.А.Есенин — прочтут свои стихи.
4. «Русские песни» исполнит хор гуляров под управлением Н.Н. Голосова.
5. Л.А. Арсеньева.
6. В.В. Игнатов — артисты Малого театра¹ прочтут стихотворения Н. Клюева и С. Есенина.
7. В.К. Устругова² — русские сказки и стихотворения Н.А.Клюева».

Этот ансамбль, за исключением Клюева, и перекочевал из общества «Страда» в Фёдоровский городок. Но в нём не было певицы, не было танцоров. Вот почему для участия в концертах привлекается исполнительница русских народных песен Плевацкая, артисты Мариинского театра, впоследствии известные опереточные артисты Лопухова и Орлов — «Русский Лубок». В концертах участвуют артисты и других жанров, но творческое ядро остается неизменным — Есенин, Устругова, Голосов со своими гусярами, артисты Арбатова и он сам в качестве постановщика. К ним тесно примыкают баянист Федор Рамш³ и В. В. Андреев.

Для моего отца концерты в Фёдоровском городке, пропагандирующие русское народное искусство, были первой ласточкой. Вот почему он стал добиваться наград для наиболее активных участников этих концертов, Есенина и Арбатова. Что же касается Сладкопевцева, он был необычайно близок отцу своим религиозным настроем.

В связи с этим мне хочется подчеркнуть следующую мысль. Моему отцу нужны были именно Клюев и Есенин, а не, к примеру, Блок. Любопытно, что Блок в то время находился в положении сходном с Есениным. Почему бы, казалось, не попытаться через Рериха, с которым дружил Блок, установить контакт с поэтом и перевести его в Фёдоровский городок. Но такие попытки не предпринимались. И здесь, с моей точки зрения, дело совсем не в том, что Клюева и Есенина было легче, чем Блока, поймать «в монархические сети», а в том, что их поэтическое творчество было созвучно неонародному мировоззрению многих членов Общества возрождения художественной Руси.

Если сейчас мне зададут вопрос — способствовала ли деятельность Общества возрождения художественной Руси возрождению русского народного искусства — я отвечу утвердительно. Посеянные в то время семена, конечно, не только членами этого Общества, несмотря на длительные неблагоприятные «климатические условия» сегодня дают обильные всходы. Мне только что попался в руки номер «Ленинградской Правды» со статьёй «Ивушка за семью морями». В статье красочно рассказывается о триумфальных выступлениях в Новой Зеландии исполнительницы русских народных песен Людмилы Зыкиной. Кто как реагирует на такие сообщения, а у меня, например, на глазах выступают слёзы, слёзы гордости за мой народ.

А восторженный приём в той же Новой Зеландии оркестра народных инструментов, созданного продолжателем дела Андреева, бывшим лицеистом Осиповым? Разве это не говорит о том, что русское народное искусство уверенно перешагнуло границы нашей Родины. Блестящим подтверждением этого также явился чемпионат 1969 года по фигурному катанию на коньках, напоминающий концерт русской музыки. Три первые призовые пары, причём иностранные, катались под русскую народную музыку. А одна из них была одета в русские народные костюмы.

Сегодня русские и иностранные модельеры, создавая новые модели одежды и обуви, стараются использовать образчики старинной русской одежды и обуви применительно к современности. Когда я вижу наших модниц в «моисеевских сапожках» или боярских шубках, мне вспоминаются братья Васнецовы с их эскизами новой формы русской армии, напоминающей стрелецкие кафтаны и шлемы витязей.

В 1919 году Советская власть решила создать свой первый театр («Театр героической трагедии»). У его колыбели стояли крупные представители русской интеллигенции М. Горький, М. Андреева, А. Блок, Н. Монахов, А. Лаврентьев, Ю. Юрьев, А. Бенуа, Н. Арбатов. Участие Арбатова в создании этого театра также не следует сбрасывать со счетов.

И всё же нельзя забывать, что Общество возрождения художественной Руси было Обществом монархическим, с изрядной примесью неонародничества, но, как совершенно справедливо пишет Эренбург, «ничего нельзя ни золотить, ни очернить оптом».

Я не знаю, что из себя представлял зал общества гражданских инженеров во время закрытого вечера общества «Страда», но трапезную помню отчётливо. Своим обликом она напоминала Грановитую палату. Во время концертов у дверей, ведущих в палату, стояли солдаты в кафтанах, напоминающих стрелецкие. На хорах размещались балалаечники и гусяры. Конечно, всё это усиливало впечатляющую силу есенинского стиха. Недаром присутствующий в этот день в трапезной журналист писал: «...Песенники, гусяры и народный поэт Есенин, читавший свои произведения... мешали действительность со сказкой».

Выступая в трапезной, Есенин не мог не знать, что членами Общества состоят Рерих, братья Васнецовы, Нестеров, Ремизов, многие знатоки русской старины и неизменная партнёрша поэта по концертным выступлениям ещё со времён «Страды» артистка Устругова.

За время службы в Фёдоровском городке Есенин был награждён золотыми часами с гербом, столовыми часами и денежной суммой, представлен к награждению медалью «За усердие», пользовался такой свободой передвижения, что близко знавший его Деев-Хомяковский даже не заметил, что Есенин служит в армии. Я уж не говорю о присутствии Есенина на торжественном богослужении в присутствии царской семьи в Фёдоровском соборе 5—6 января 1917 года. Такой возможности тщетно добивались многие сановники царской России и представители

аристократии. 19 февраля он читает свои стихи в трапезной, а 24-го в газетном отчете упоминается только его имя, хотя были и другие участники концерта. 23 февраля Есенин командирован в Ставку Верховного главнокомандующего. Сразу же после революции он возвращается в Царское Село, и здесь ему дают направление в школу прапорщиков.

Особенно любил мой отец «Русь». Это стихотворение он мог слушать бесконечно.

Смею заверить, что ничем другим, кроме выступления в концертах, Есенин в Фёдоровском городке не занимался. В санитарном поезде он ездил как поэт, а не как санитар, хотя таковым он числился.

Когда поезд возвращался в Царское Село, везя раненых, работы хватало всем. Я видел, как носилки носили граф Армфельд, фон Мекк, Артамонов и мой двоюродный брат Володя Данчич.

Каждый раз, бывая в Фёдоровском городке, Есенин не мог не встретить двух девочек. Одну из них, ту, что постарше, немного угловатую, с размашистыми движениями и огромными серыми глазами на типично русском лице, в семье звали Машкой, а официально величали — её императорское высочество, великая княжна Мария Николаевна. Так вот она 22 июля была именинницей. Это ей Есенин преподнёс своё стихотворение. Мой отец остался доволен тем, что Есенин написал стихотворение, великие княжны увезли его во дворец.

В своеобразном письме-трактате „Бисер малый от уст мужицких», направленном Ломану, Н. Клюев от своего имени и от имени Есенина» изложил причины, побудившие их отказаться. Должен признаться, я несколько раз прочитал это своеобразное письмо-трактат, но отказа в нём так и не нашёл. Там есть определённое условие и не больше того. В этой связи мне хочется подчеркнуть следующее. Отец метром считал Клюева, и не только он один так считал. Напомню импровизацию Сладкопевцева — Клюев игумен, а Есенин только послушник. Это причина командировки Есенина в Москву для встречи с Клюевым. Без согласия Клюева возглавить работу по подготовке сборника требовать от Есенина стихов для этого сборника не имело никакого смысла.

В своей автобиографии Есенин писал о многих льготах, которыми он пользовался на военной службе. Есенин был чистой воды рядовым. Он не был добровольцем и Георгиевским кавалером, каковым в первую мировую войну был Всеволод Вишневский. Не будучи добровольцем и не имея необходимого образовательного ценза, Есенин не мог быть вольноопределяющимся — носить жгуты на погонах. Отсюда двойственность его положения — начальство благоволит, а первый встречный прапорщик из вчерашних солдат может запросто вставить фитиль. Разумеется, последствий этот фитиль не будет иметь, полковник ему ходу не даст, но сама возможность получить взыскание неприятна.

Я своим детским взглядом и то замечал разницу в поведении одетых в солдатскую форму графа Армфельда, фон-Мекка, Артамонова, Шарлеманя и Есенина, и носивших офицерскую форму Нарбута и Сладкопевцева.

В этом смысле положение Есенина могло измениться только после производства его в офицеры, а для этого он должен был окончить трёхмесячную школу прапорщиков, после чего отправиться на фронт. После революции такая дилемма сразу же возникла перед ним.

Примечания

- 1 Режиссёром этого театра был Н. Н. Арбатов.
- 2 Член Общества возрождения художественной Руси.
- 3 Горький из Сорренто писал Богдановичу: «Как живу?.. Приятно и полезно, когда приезжает Зоя Лодий, гармонист Рамша, пианист Добровейн...»
- 4 Из письма Ю. Д. Ломана писателю В. Катаеву.
- 5 Из рассказа Ю.Д.
- 6 Из рассказа Ю.Д.
- 10 Из письма Ю. Д. Ломана писателю В. Катаеву.
- 11 Л. Кушарина «В Фёдоровском городке». «Вечерний Ленинград», 9 октября 1975 г.
Фотографии, в том числе и из личного альбома Юрия Дмитриевича Ломана

Императрица Александра с дочерьми у Русского Фёдоровского городка здания Офицерского лазарета

Императрица и Великие княжны выходят из Офицерского лазарета. Фото. 1916

Ктитор Собора Д.Н.Ломан с сыном Юрием перед зданием Офицерского лазарета. Справа - помощник ктитора полковник Н.Н. Андреев и прот. Александр Васильев, духовник Царской семьи. Фото. 1916

Ансамбль балалаечников на лодочном причале возле Русского городка на фоне здания Офицерского лазарета. Фото. 1916

А.К.Крылов. Портрет Ю.Д.Ломана. 1979

Памятное блюдо, подаренное Д.Н.Ломану
12/25 февраля 1917 года в день его переселения
в в им же созданный Русский городок.

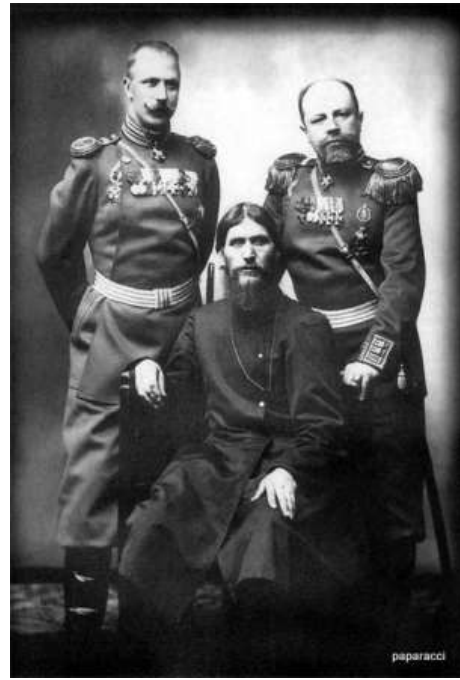
Рис. Л.Комиссаровой, 1998 г.

Памятное блюдо при увеличении

1890-е. Д.Ломан с женой и сыном Юрием

1910-е. Распутин, Ломан, Путятин

4. Дмитрий Николаевич Ломан (1868-1918 гг.) и его жена Ольга Васильевна (? - 1919 гг.).

Дмитрий Ломан(1868 – 1918) с женой Ольгой
Васильевной (? – 1919)

Ломан Борис Дмитриевич

2. Портрет Дмитрия Николаевича, написанный польской дамой, художницей-любителем. Портрет подарен краеведческому музею г. Пушкин в 2003г. («Царско-сельская газета», № 22 (9445), 4 апреля 2003 г.).

Портрет Дмитрия Николаевича, написанный польской дамой, художницей-любителем.

Портрет подарен краеведческому музею г. Пушкин в 2003г.

Ломан Борис Дмитриевич

Ломан Дмитрий Николаевич (1868— 1918), полковник, штаб-офицер для поручений при Дворцовом коменданте, доверенное лицо Императрицы Александры Федоровны, друг Г.Е. Распутина, член Русского Собрания (РС). В 1905 стал редактором первой царскосельской газеты «Листок Царскосельского Комитета Красного Креста», а в 1906—1907 был редактором «Царскосельской газеты» Был активным участником строительства Федоровского собора

Ломан Дмитрий с сыном Юрием в Крыму

Ломан Надежда Дмитриевна

Ломан Надежда Дмитриевна

дочь Д.Н. Ломана- ктитора Федоровского собора, сестра Юрия Ломана(старше Ю. Д. лет на 9—10).
из: Ломан Д.Ю. Воспоминания крестника императрицы. Автобиографические записки / сост. А.К.
Крылов. СПб, 2010, 302 с.

Ломан Надежда Дмитриевна - слева- до отъезда в Гельсинфорс, справа- в Гельсингформе-Хельсинки в замужестве Сиротинина, за сыном известного зубного врача, эмигрировавшего во Францию. Из: Ломан Д.Ю. Воспоминания крестника императрицы. Автобиографические записки / сост. А.К. Крылов. СПб, 2010, 302 с.

Надежда Дмитриевна Ломан (во втором замужестве Надин Копейкин (слева)) с подругой и её внуком из России. Франция, 1965 г. Из: Ломан Д.Ю. Воспоминания крестника императрицы. Автобиографические записки / сост. А.К. Крылов. СПб, 2010, 302 с.

19. Ольга Васильевна Ломан, сестра-хозяйка Лазарета имени Великих князей Марии и Анастасии.

Ломан Ольга Васильевна - хозяйка лазарета в Федоровском городке в Первую Мировую войну

Ломан Ольга Васильевна

Ломан Ольга Васильевна - 1877-?, жена Д. Н. Ломана, сестра-хозяйка лазарета в Федоровском городке Царского Села в период первой Мировой войны.

Ломан Ольга Васильевна

Ломан Ольга Васильевна с Борисом - младшим сыном четы Ломанов, погибшем на фронте в ВОВ

Ломан Юрий, 1910-е. В кабинете отца

Ломан Юрий, 1916. На станции Дубно
...Здесь, под бомбежкой меня увидел фотокорреспондент журнала «Солнце России». Он сфотографировал меня рядом с какой-то малюсенькой лохматой лошадкой и поместил фотографию в журнале, сопроводив ее подписью «Сын командира»....

Ломан Юрий, 1916. В окне санитарного поезда

Ломан Юрий Дмитриевич (1906—1980), крестник Императрицы Александры Федоровны На фотографии- 1916 год

На заводе «Красный химик» при подготовке спектакля. В центре - композитор М. Фрадкин, первый справа - Ю.Д. Ломан. Начало 1930-х годов.

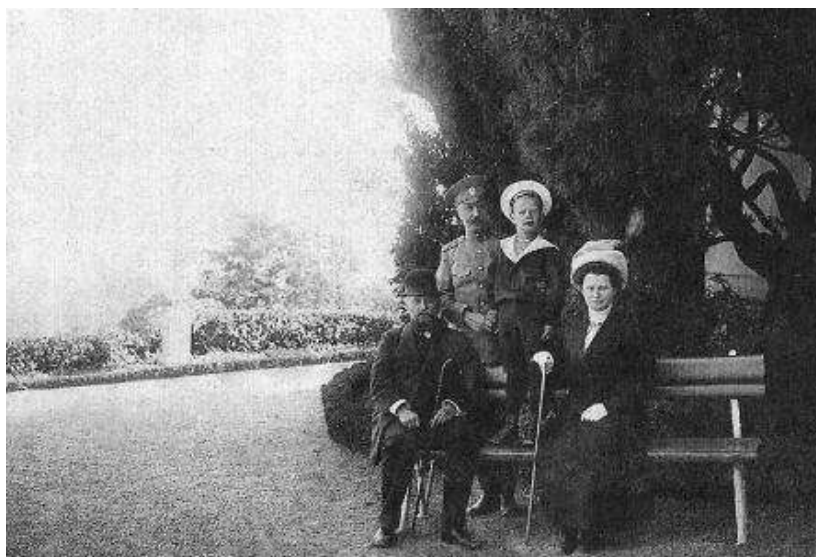
Ломан Юрий Дмитриевич, 1940-е. Ленинградский фронт

Ломан Юрий Дмитриевич, 1948. Окончив ИМЛ

Ломан Юрий Дмитриевич,
1970-е

Ломаны и отец Ольги Федор Константинович Эвальд в Крыму

25.1.79.
Копия
Уважаемый Юрий Дмитриевич,
Я был очень рад познакомиться с вами
лично и ознакомиться с некоторыми
до этого незнакомыми деталями
этого прекрасного чашечки
вашего отца. Ольга Стефановна
это прекрасный друг моего
председателя и ее фотографии в
будущем и обязательно свое спасибо.
Еще раз большое вам спасибо!
Уважаемый Юра
— Александр Рерих

Письмо С.Н. Рериха Ю. Ломану, 1979